

«Что гложет Гилберта Грейпа?» — это шедевр.
Маркус Зусак, автор романа «Книжный вор»

ПИТЕР ХЕДЖЕС

Что гложет Гилберта Грейпа?

Роман

Невероятно трогательная трагикомедия. Мир Гилберта Грейпа и необъятен, и обозрим; его голос останется с нами навсегда.

Philadelphia Inquirer

Питер Хеджес

Что гложет Гилберта Грейпа?

Серия «Большой роман»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65617526

Что гложет Гилберта Грейпа? : роман / Питер Хеджес : Москва; 2021

ISBN 978-5-389-19838-8

Аннотация

Впервые на русском – дебютный роман культового американского писателя и сценариста Питера Хеджеса, основа одноименного фильма Лассе Хальстрёма («АББА», «Правила виноделов», «Шоколад», «Хатико») с Джонни Деппом и Леонардо Ди Каприо в главных ролях; за роль Арни Грейпа юный Ди Каприо получил первую свою номинацию на «Оскар», а оператором картины выступил легендарный Свен Нюквист, постоянный оператор Ингмара Бергмана.

Двадцатичетырехлетний Гилберт Грейп работает продавцом в продуктовой лавке и живет в городе Эндора, штат Айова (население – 1091 человек), где его гложет примерно все. Он бы и рад куда-нибудь уехать, но дома его держат неподъемная (в буквальном смысле) мать, и младший брат с проблемами развития, и сестра, до сих пор оплакивающая смерть Элвиса, и давний роман с женщиной старше его. И вот однажды на летние каникулы в Эндору приезжает загадочная красавица, которая,

раскатывая по городу на велосипеде, кружит голову всем парням и которая перевернет мир Гилберта вверх тормашками...

«Свежий, искренний роман взросления – и в то же время элегия неудачникам и аутсайдерам, оказывающимся на обочине Американской Мечты. Словно фильм Дэвида Линча, оформленный нашими местными художниками-примитивистами» (*The New York Times*).

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	15
3	28
4	37
5	44
6	50
7	60
8	69
9	74
10	81
Часть вторая	90
11	90
12	101
13	109
14	117
15	124
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Питер Хеджес

Что гложет Гилберта Грейпа?

*Моей матери,
которая не расплнела,
и моему отцу,
который не умер*

Часть первая

1

Стоим с братом Арни на окраине города – это у нас ежегодный ритуал.

Мой брат Арни жутко перенервничал, потому как через несколько минут, а может, часов, ну, короче, в течение дня к нам в городок Эндора, штат Айова, войдут колонны большегрузных фур, и прицепов, и жилых вагончиков. На одной фуре прикатит к нам «Спрут», на другой – карусель «Сюрприз» с синими и красными машинками; колесо обозрения приедет аж на двух грузовиках, игровые аттракционы – на прицепах, но что самое-то главное: приедут карусельные ло-

шадки.

Для Арни такое событие – лучше Рождества. Лучше феи, которая приносит подарочек за выпавший зуб, лучше пасхального зайчонка: этих дурацких персонажей могут, похоже, терпеть одни только малявки да недоразвитые взрослые. Арни у нас даун. Ему скоро восемнадцать, и наша семья планирует отметить это событие на широкую ногу. Врачи нам твердили, что дотянет он хорошо если до десяти лет. Стукнуло ему десять – и ничего, живет себе дальше, а врачи теперь говорят: «Ждите с минуты на минуту: Арни может вас покинуть в любой миг». Так что каждый вечер, укладываясь спать, мои сестры, я сам, ну и мама, конечно, все мы думаем: а проснется ли он утром? Иногда хочется, чтоб он еще пожил, а бывает, что и не хочется. В данный момент меня, например, так и тянет столкнуть его под колеса транспорта.

Моя старшая сестра Эми собрала нам корзину для пикника. В литровый термос залила черешневую шипучку «кул-эйд», которую Арни проглотил так стремительно, что у него над верхней губой образовались лиловые усы. Первое, что вам надо усвоить насчет Арни: у него на физиономии вечно красуются следы жратвы и питья, будь то шипучка «кул-эйд», или кетчуп, или хлебные крошки. Физиономия у него – как витрина для демонстрации четырех основных групп продуктов.

Арни – добрейшая душа, но брата своего, то бишь меня, способен удивить. Летом для него самое милое дело – нало-

вить кузнечиков и бежать с ними к почтовому ящику: сажает каждого по очереди, придерживая за хвост, на край прорези и опускает железную заслонку – головы им рубит. А сам истерически ржет, кайфует. Но вчера вечером, когда мы сидели на крыльце и ели мороженое, ему, как видно, явилось бескрайнее море убиенных за все годы кузнечиков, потому что он разревелся и захлюпал, будто с жизнью прощался. А сам приговаривает: «Я их убил, я их убил». Ну, мы с Эми его обняли, по спине погладили, стали внушать, что ничего страшного не случилось.

Арни ревел без передышки, пока не заснул. А его старший брат, то бишь я, призадумался: каким был бы наш мир, если бы похоже раскаялись все уцелевшие фашисты. Вот вопрос: их когда-нибудь терзают угрызения совести, да так, чтобы от мыслей о былых злодеяниях всем телом корчиться? Или они до того умны, что научились обманывать не только нас, но и себя? Чем хорош Арни: он слишком туп, чтобы обманывать. А может, слишком умен.

Стою с биноклем, вглядываюсь в бесконечную трассу номер тринадцать – никаких признаков наших ежегодных увеселений. Братик мой опустил на коленки, роется в корзине для пикника. Чипсы – оба пакета – уже стрескал, потом оба сэндвича с арахисовым маслом и джемом оприходовал, оба шоколадных пончика, теперь откопал зеленое яблоко и грызет.

Хочу заставить себя не обращать внимания на чавканье

Арни, но это несбыточная мечта. Поймите: жует он так, будто только что обнаружил у себя рот и теперь издает смачные звуки добротного секса. От этого сосания и чмоканья меня так и тянет заняться продолжением рода с целой компанией лучших в Эндоре девушек.

Сегодня двадцать первое июня, начало астрономического лета, самый длинный день в году. Еще нет семи утра, а я уже тут, с мелким на буксире. А кто поумнее, тот в это время сладко спит.

– Гилберт?

– Что?

Арни оттягивает футболку ниже колен; с нее сыплются хлебные корки и плевки арахисового масла.

– Гилберт?

– Ну чего тебе?

– Сколько еще миль?

– Я не в курсе.

– Сколько, сколько еще до лошадок и до всякого такого?

– Три миллиона.

– Тогда ладно.

Арни надувает губы, изображает рокот мотора и бежит вокруг корзины, роняя слюни. Потом наконец садится по-турецки и начинает размеренно считать мили.

Я тоже нашел себе занятие: набрал камешков и кидаю в дорожный указатель города Эндора, штат Айова. Указатель

зеленый, с белыми печатными буквами, в отличном состоянии, если не считать вмятин, оставшихся после моих прошлогодних упражнений в меткости. На нем указана численность населения Эндоры – 1091 человек, и я вижу здесь неточность, потому как моя учительница миссис Брейнер (преподавала у нас во втором классе) вчера, сидя в кресле-качалке у себя на крыльце, подавилась куриной косточкой и задохнулась. Никто особо не расстроился.

Миссис Брейнер давным-давно ушла на пенсию. Жила поблизости от центральной площади, мы там сталкивались, считай, каждый день, и она ко мне с улыбочкой: небось думала, я забыл, как она меня в школе гнобила. Клянусь, эта карга лыбилась постоянно. Как-то раз закупились она в магазине, идет к дверям – а у нее пакет с продуктами лопнул. Консервированные персики, фруктовый коктейль – все банки на пол посыпались и ей голые стопы поранили. Мы с боссом своими глазами видели. По щекам слезы катятся – и улыбка от уха до уха. Я, конечно, банки ей перепаковал, но она остановиться не может: лыбится и слезы льет, а у самой пальцы ног в крови.

Говорят, когда нашли ее на крыльце, она руками горло сжимала, шея вся была расцарапана, губы в трещинах, а под ногтями следы кожи, до мяса содранной. Неужели и тогда она лыбилась?

Короче, увезли ее труп в Мотли, где Макбёрни держит похоронное бюро. Завтра в землю зароят.

– Гилберт?

– Да?

– Э-э-э...

– Чего тебе?

– Это. Лошадки, карусели, лошадки – они же приедут? А?

– Приедут, Арни.

Живем мы, стало быть, в Эндоре, но, доложу я вам, описывать этот городок – все равно что плясать без музыки. Ну, городок. Фермерский. В центре – площадь. Старая киношка закрылась, теперь ездить приходится за шестнадцать миль, в Мотли, – только там и крутят фильмы. Наверно, половина здешнего народу – шестьдесят пять плюс, так что нетрудно представить, как весело в Эндоре по выходным. В выпускном классе нас было двадцать три человека, из них в городе остались четверо. Ребята большей частью перебрались в Эймс или в Де-Мойн, а самые пробивные рванули в Омаху. Среди тех, кто остался, – мой дружбан-одноклассник Такер. И еще братья Байерсы, Тим и Томми. Эти двое почему остались: из-за жуткой, почти смертельной аварии. Теперь оба вокруг площади гоняют, если можно так выразиться, на своих инвалидных колясках с электроприводом. Братья – главная, можно сказать, городская достопримечательность, тем более что они – близнецы. До того случая их вообще все путали. Но у Тима обгорело лицо, и кожу ему пересадили пря-

мо как пороссячью. Парализованы оба, но у Томми вдобавок ступни оторвало.

На днях в интервью нашей ежедневной газете «Эндора экспресс» Тим, который с пороссячьей кожей, отметил в этом позитив: теперь их легко различать. Выйдя из детского возраста, каждый из братьев стал отдельной личностью. А это в Эндоре нынче дорогого стоит. Быть личностью. И видеть позитив. Среди наших земляков есть такие, кто лишился своей фермы – банк отобрал за долги, у кого-то сыновья на войне погибли, родня померла от болезней, а они смотрят с улыбкой тебе прямо в глаза и рассказывают что-нибудь позитивное.

Но сегодня утром никакой позитив не идет в голову. От фактов никуда не деться: мне двадцать четыре года, из Айовы я выбирался аж целый один раз, и жизнь моя уходит на то, чтобы пасти братишку-недоумка, бегать за сигаретами для матери да упаковывать продукты для уважаемых граждан Эндоры.

– Гилберт? – окликает Арни. На губах – глазурь, над нормальным глазом – комок джема.

– Что, Арни?

– А они точно приедут? Очень уж *долго*.

– С минуты на минуту будут здесь. – Плюю на бумажную салфетку, вытащенную из корзины.

– Нет!

– Подойди ко мне, Арни.

– Нет!

– Подойди ко мне.

– Все меня слюнявят!

– И почему это происходит, как по-твоему?

– Потому что потому.

Для Арни это нормальный ответ.

Забив на генеральную уборку его физиономии, смотрю вдаль. Трасса пуста.

В прошлом году фуры приехали довольно рано. Трейлеры и пикапы – позже. Арни на самом-то деле интересуется только карусельными лошадками.

Я говорю:

– Слушай, Арни, я сегодня не выспался.

Но ему по барабану. Покусывает нижнюю губу: какую-то идею прокручивает. Мой брат – пухляк, а волосы у него такие, что каждая встречная старушка рвется его причесать. Ростом он на голову выше меня, зубы вразнотык. То, что он даун, не скроешь. Сразу заметно.

– Гилберт! Они не приедут!

Шикаю на него, чтобы не орал.

– Никто не приедет, Гилберт. Карусели в аварию попали, а работники повесились...

– Скоро будут здесь, – говорю ему.

– Они же *повесились!*

– Ничего подобного.

– Ты просто не знаешь! Ты не знаешь!

– Не всем же вешаться, Арни.

Он этого не слышит, потому что роется в корзине, достает второе зеленое яблоко, сует его себе за ворот и мчится в сторону города. Кричу ему, чтобы остановился. Но не тут-то было; пускаюсь за ним в погоню, хватаю поперек живота. Отрываю от земли; яблоко падает в жухлую траву.

– Отпусти. Отпусти.

Несу брата туда, где осталась корзина. Он стиснут, ногами оббил меня за пояс, пальцами впивается мне в шею.

– А ты вверх тянешься. Это тебе известно?

Он мотает головой: дескать, ты не прав. По сравнению с прошлым годом росту в нем не прибавилось, зато округлился еще больше, жирку накопил. Если так и дальше пойдет, я скоро его поднять не смогу.

– Ты еще растешь, – добавляю. – Мне все тяжелее на руках тебя таскать. И сил набираешься.

– Не-а. Говоришь на меня – переводишь на себя, Гилберт.

– Почему же на себя? Верь мне: Арни Грейп тянется вверх и набирается сил. Точно тебе говорю.

Опускаю его возле корзины. Еле дышу, на лице пот выступил.

Арни говорит:

– А ты вниз тянешься.

– Неужели?

– Я точно знаю. С каждым днем ниже и ниже. Все время

унижаешься.

У глупых иногда проскальзывают умнейшие фразы. Даже Арни понимает, что я опустился ниже плинтуса.

Поскольку часов я из принципа не ношу, точное время назвать не могу, но этот миг, когда полоумный брат срывает бинты с моего сердца, отмечен воплем. Это вопит Арни. Он тычет пальцем на восток, и я навожу бинокль на крошечную точку, ползущую в нашу сторону. За ней тянутся другие точки.

– Это они? Это они едут?

– Они, они, – говорю.

У Арни отвисает челюсть. Он уже пляшет:

– К нам лошадки едут. Лошадки едут!

Завывая, он скачет кругами и пускает слюни. Арни сейчас почти в раю. Я не свожу глаз с него, а он – с растущего каравана. У меня одно опасение: как бы у него не прорезались крылышки – упорхнет ведь.

2

Утром того же дня ложусь вздремнуть на диване в гостиной.

Еле дождался, когда смогу передохнуть, придавить часок, но не тут-то было: в нос шибает жуткий запах, прямо голова раскалывается пополам. Глаза сами собой распахиваются. Озираюсь, еще окончательно не проснувшись, и вижу младшую сестру: расселась тут в шортах и в бюстике – ногти красит. А шмон-то какой идет... Боже правый.

Сестренку мою зовут Эллен. В прошлом месяце стукнуло ей шестнадцать. Недавно избавилась от брекетов, теперь целыми днями расхаживает по дому, зубы языком проверяет и завывает: «Уу-аа», как будто не верит, что все зубы на местах.

С тех пор как сняли ей брекеты, от нее спасу нет. В ней вдруг проснулась страсть к блеску для губ и к ярко-красному лаку; ей, надо сказать, идет, но вредина такая стала, что не знаю, сколько еще смогу терпеть.

Запах лака поднимает меня с дивана и заставляет посмотреть на сестрицу в упор. А она знай изучает палец на ноге, поэтому приходится окрикнуть:

– Сестренка, тебе здесь удобно?

Эта не отрывается, мажет себе ноготь за ногтем. Ни ответа ни привета. Тут я не выдерживаю:

– НЕУЖЕЛИ ДРУГОГО МЕСТА НЕ НАШЛОСЬ?

Не поднимая глаз, сестра заводит свою песню:

– Гилберт, здесь некоторым всего шестнадцать лет. Некоторые пытаются использовать единственный шанс, предоставленный им жизнью. Я пробую нечто новое: экспериментирую с незнакомым цветом, и тебе ничего не стоит меня поддержать, приободрить. Тогда я, возможно, подумала бы над тем, чтобы перейти в другое место, но ты – мой брат, и если не ты, то кто же поддержит мой новый опыт? Кто? Отвечай: кто?!

Она часто и с присвистом дышит через нос.

– У меня такой непростой возраст. У девушек в моем возрасте случаются кровотечения. Кровотечения бывают у нас каждый месяц, и отнюдь не в наказание. Допустим, сидишь в церкви...

– Ты же не ходишь в церковь.

– Это для примера, Гилберт.

– Нечего прикрываться громкими словами.

– Хорошо. Допустим, я на работе, готовлю топпинги, скручиваю вафельные рожки. И вдруг чувствую: вот-вот начнется, но я же ничего плохого не сделала. Ты – парень. Тебе не понять этих ощущений. Так прояви хотя бы сочувствие, не дергай меня, когда я занимаюсь единственным делом, которое приносит мне радость и удовлетворение. Спасибо тебе Гилберт, большо-о-ое спасибо!

Смотрю на нее – и думаю, как бы ее прикончить, чтобы все

было шито-крыто. Но она вдруг разворачивается и с топотом удаляется из гостиной, оставляя за собой едкий запах своих экспериментальных ногтей. Я решаю покончить с собой через удушение – это самый доступный вариант. Накрываю лицо выдавшей вида оранжевой диванной подушкой; процесс пошел. Вскоре я достигаю той точки, в которой легкие требуют воздуха, а сердце – наоборот, и чувствую: кто-то тычет меня в плечо. Ну и семейка. Если это Эллен, первым делом надо удушить ее. А если это Арни, то мы сперва устроим драку подушками, чуток посмеемся, а уж потом я займусь удушением.

Но на сей раз со мной заговаривает старшая сестра, Эми. Она шепчет:

– Гилберт, поди-ка сюда.

Я не двигаюсь.

– Гилберт, прошу тебя...

Меня уже почти нет в живых. Она не может этого не видеть.

– Гилберт!

Легкие одерживают верх над сердцем, и я говорю: «Мне не до тебя», но подушку не отпускаю.

– По тебе не скажешь, что ты так сильно занят.

Эми хватается подушку за угол и стаскивает с моей головы. В глаза резко ударяет свет. Сестра стоит с растревоженным, озабоченным видом. Но что тут нового? Эми частенько напускает на себя выражение ужаса, оно мне даже понравилось.

Его предсказуемость как-то успокаивает. А вот когда Эми улыбается – жди беды.

Из всех нас, четверых детей семьи Грейп, Эми самая старшая. На десять лет старше меня: ей уже тридцать четыре. Я в ней вижу скорее мать, чем сестру. Во время учебного года она ездит на работу в Мотли, в начальную школу Кlover-Хиллз. На подхвате у буфетчицы – подает малышне сосиски с зеленой фасолью и сахарное печенье. А кроме того, помогает учителям: по вечерам рисует аккуратные улыбающиеся рожицы на контрольных работах, написанных без ошибок. Но что самое главное: все лето Эми свободна. Во время учебного года наша семья неизбежно рассыпается, и за июнь, июль, август старшая сестра вновь собирает нас под крыло.

– Я сплю, – говорю ей. – *Пытаюсь* уснуть.

Мощной ручищей Эми прижимает подушку к своей нежно-голубой футболке с портретом Элвиса. Щурится, обжигая меня взглядом.

– Эми, я тебя умоляю. Боже милостивый, если Ты существуешь, молю Тебя. Сегодня мы с мелким ходили встречать аттракционы. В полпятого утра были уже у шоссе. Я не выспался. К десяти мне на работу. Прошу тебя, Эми, ну пожалуйста! Не надо так на меня смотреть!

– Мог бы подумать о маме.

Меня так и тянет сказать, что о маме я думаю постоянно, что каждый свой шаг соизмеряю с ней, но Эми не ждет от-

вета: она хватает меня за руку и рывком поднимает с дивана.

– Ох. Иду, иду.

Сестра пинками подталкивает меня к столовой.

– Весь дом смердит, – говорю я. – Господи, ну и вонища!

Эми останавливается. Мы пришли на кухню, где громоздятся скопившиеся за несколько дней горы невымытой посуды и многочисленные мешки с мусором. Она шепчет:

– А чего ты хочешь? Прислуги у нас нет. От Эллен проку никакого, ты все время пропадаешь на работе или неизвестно где. Меня на все не хватает.

С глубоким вздохом она делает разворот на триста шестьдесят градусов, как манекенщица на подиуме:

– Посмотри на меня. Нет, ты посмотри.

– Ну? – говорю я.

– Ты ничего не замечаешь?

– Новые шмотки? Хм. Сдаюсь. Что я, по-твоему, должен заметить?

– Я становлюсь похожей на маму.

Скатываясь до вранья, возражаю сестре:

– Ничего подобного.

– У меня из-под одежды складки выпирают. Я уже в кресле еле умещаюсь.

– Мама – это совсем другая история. Ты даже близко не...

– У меня начальная стадия, Гилберт. Ты видишь начальную стадию. – Обеими руками утирая глаза, Эми улыбается.

Приплыли.

Ну ладно.

Придется все же растолковать вам некоторые редко упоминаемые вслух истины насчет моей матери, Бонни Грейп.

Изящных выражений для этого не подберешь. Моя мать – жирная туша. Объедаться начала семнадцать лет назад, когда отца нашли мертвым. С того самого дня жует без передышки, год за годом, и прибавляет фунт за фунтом; дело дошло до того, что ее реальную массу тела определить невозможно. Ни одни бытовые весы не выдерживают.

Мамина спальня – наверху, первая комната от лестницы, но взбираться по ступенькам и вообще двигаться мама не любит. Днем она дремлет в этом мягком синем кресле, но часто просыпается, чтобы перекусить и перекурить. По ночам она не спит, сидит в том же кресле, дымит как паровоз и смотрит телевизор. Мы поднапряглись и купили ей телик с пультом. При ходьбе мама держится за мебель, стараясь передвигаться вдоль столешниц и шкафчиков. Чтобы дойти до туалета и присесть на унитаз, ей требуется минут пятнадцать. Мыться она терпеть не может и, если честно, скоро перестанет умещаться в ванне. Радостей в ее жизни мало: смеется она лишь в тех случаях, когда Арни устраивает для нее пляски-шоу, и лучится улыбкой, когда кто-нибудь из нас приносит ей блок сигарет (обычно я). Курит она исключительно «Кул».

Вот уже три года мать не выходит из дому; видим ее только мы – дети, да редкие бывшие подруги. В городе, разумеется,

о ней судачат, но шепотом. Правда, рассмотреть ее вблизи удастся сантехнику, который ежемесячно приходит снимать показания счетчика воды. Однажды приезжал еще доктор Гарви – мы сами его вызвали, решив, что у мамы случился инфаркт. Но на самом деле она то ли чем-то подавилась, то ли кишечные газы в кровоток попали – что-то в таком роде.

Если указать маме на ее полноту или выразить опасения по поводу стойкой прибавки веса, она скажет: «Эй! Я покамест здесь! Жива еще! Не отдала концы в отличие от некоторых!»

Я пытаюсь ей внушить, что неумеренное обжорство равносильно суициду. Но такие слова произносить нелегко.

Короче.

Эми тащит меня через кухню. Мы останавливаемся на пороге столовой: мама с разинутым ртом сидит в кресле и храпит. Эми указывает пальцем на ее стопы. Отечные, красно-лиловые, сухие, в трещинах. Ни одна пара обуви уже не налезает.

– Можно подумать, – шепчу, – я ног ее не видал.

Сестра снова тычет пальцем куда-то вниз и одними губами произносит:

– Пол.

Не верю своим глазам. Пол под маминым креслом просел, выгнулся наподобие контактной линзы.

– Боже милостивый. – Ничего другого выдать не могу.

– Это уже не шутки, Гилберт.

Однажды мы с сестрой сели попить пива, и, когда она по-добрела, я предположил, что мама когда-нибудь провалится в тартарары и нас освободит. В тот раз мы от души посмеялись.

– Надо что-то делать, – говорит Эми, которой теперь не до смеха.

Чтобы вы понимали: я не плотник. Ремонтировать, чинить – это не мое. А Эми, заметьте, хочет, чтобы я укрепил половицы.

– Причем втайне от нее, – добавляет Эми свистящим шепотом.

Сестра права. Если мама узнает, что под ней вот-вот проломится пол, она будет днями напролет лить слезы.

– Надо с Такером поговорить.

Такер – мой лучший друг. Он обожает работу по дереву: своими руками делает скворечники, вырезает фигурки уток, мастерит стеллажи для своей коллекции пивных банок.

– Когда ты с ним поговоришь?

– Скоро. Реально скоро, обещаю.

– Давай прямо сегодня.

– Сегодня мне на работу.

– Тянуть нельзя.

– Ясное дело, Эми. – Пытаюсь уклониться, потому что ее лицо искажается все той же нелепой гримасой.

– Тогда вечером. Ладно, Гилберт? Гилберт, мы договорились?

Рявкаю: «ЛАДНО!» – и мама, всхрапнув, просыпается.

– Доброе утро, мама, – говорит Эми. – Завтракать будем?

Дальше – по накатанной. Мама возмутится: «А сама-то ты

как думаешь?» Эми спросит: «Что сегодня приготовить?» –

и мама закажет либо стопку блинчиков, либо пару вафель,

либо гренки, а к ним полфунта бекона, причем, скорее всего,

с яичницей – глазуньей или омлетом – из нескольких яиц,

и перца не жалеть. Каждое блюдо должно быть перченым.

Эми выполнит любой мамин каприз, и все получится очень

вкусно, и мама, как большая девочка, съест все подчистую.

Напрочь лишившись аппетита, собираюсь выйти на све-

жий воздух. Резко отворяю сетчатую дверь от насекомых:

у меня на глазах Арни ныряет в заросли хвойников за почто-

вым ящиком. Моего брата хлебом не корми – дай поиграть

в прятки, но только при условии, что искать его будут долго.

Сдается мне, того же хочется почти всем, однако признать

это готов лишь дурачок или малолетка.

– Где, интересно знать, наш Арни? – преувеличенно гром-

ко вопрошаю я. – Куда же он подевался?

На пороге появляется Эми и цедит из-за сетки:

– Спасибо, что переговорил с Такером.

Я морщусь – дескать, да какие проблемы, указываю на ко-

лючий куст и спрашиваю:

– Ты, случайно, не видела Арни? Как сквозь землю про-

валился.

Эми в этой игре – профи.

– Гилберт, я думала, Арни с тобой.

– Что ты, со мной его нет.

– Плохо дело: я рассчитывала, что он поможет мне приготовить завтрак.

– Я сам его обыскался.

Вечнозеленые заросли хихикают.

– Мама проснулась, кушать хочет. Наверно, придется мне самой над блинчиками колдовать!

Тут поднимается дверь гаража, и оттуда выходит Эллен, в красно-белом полосатом бикини. Ногти на ногах и на руках покрыты одинаковым ярко-алым лаком. Она раскладывает наш единственный шезлонг и ложится позагорать на утреннем солнце. Чтобы вовлечь ее в редчайшую общесемейную забаву, спрашиваю:

– Эллен, ты, случайно, не знаешь, где твой брат?

Полный игнор. Перевожу взгляд на Эми. Хвойники проявляют беспокойство.

– Сестренка, ты меня слышишь? У нас Арни пропал.

Эллен листает журнал «Космополитен». Еще злая после утренней свары.

Эми говорит:

– Ищем-ищем, а найти не можем. Ты не подскажешь, где его искать?

Изображается внимательное чтение.

Эми терпеть не может, когда ее вопросы остаются без ответа.

– Эллен, ты меня слышишь?

– Где-где... в кустах!

Убил бы.

– Да нет же, – возражает Эми. – Гилберт проверял.

– Конечно проверял, – поддакиваю я.

– Гилберт слеп, лжив и предельно глуп!

Ни о чем не догадываясь, Арни поднимается из кустов и выкрикивает свое традиционное: «Гав!» Я со стоном падаю оземь:

– Ты меня напугал, Арни. Боже, как ты меня напугал.

С пригоршней свежей хвои в волосах и с жирной полозой грязи на губах, он хохочет, да так, что мы волей-неволей вспоминаем о его слабоумии.

Эми объявляет: «Завтрак», – и Арни мчится в дом – поглазеть, как она готовит.

А я иду к своему пикапу, сажусь за руль, движок заводится с полтыка. У меня синий «форд» семьдесят восьмого года: хотя днище разъедает коррозия, вы бы не отказались на таком прокатиться.

Прежде чем сдать задом и выехать с дорожки, изучаю свою сестрицу. Обычно все нормальные люди загорают у себя за домом – по крайней мере, так принято у нас в Айове. Но Эллен сразу вам скажет, что она – не все. Для нее не секрет, что в здешних краях она самая симпатичная девчонка. Занимая стратегическую позицию на нашей закапанной маслом подъездной дорожке, она прекрасно сознает, что весь

день мимо того места, где она поджаривается на солнце, будут проезжать легковушки, грузовики и велосипеды со всей округи. Эллен любит быть в центре внимания.

У меня давно зреет мысль приобрести для Арни киоск по продаже газировки. Это будет золотое дно: не пропадать же стараниям сестрицы. Сигналю, хотя звук этот терпеть не могу. Эллен поднимает глаза, и я, делая шаг к примирению, машу ей и кричу:

– Хорошего дня!

Она молча выставляет вперед кулак, из которого к солнцу поднимается средний палец. И остается торчать, как свечка.

Вообще-то, сестра меня любит – просто сама еще об этом не догадывается.

Жду, чтобы сложился средний палец, но, поскольку этого не происходит, выруливаю на дорожку и убираю ногу с тормоза. С пикапом вдвоем неспешно надвигаемся на Эллен. Она по-прежнему смотрит вверх, уверенная в своей победе. Чем я ближе, тем громче хохочет. В метре от нее резко сигналю, и она, вздрогнув, соскакивает с шезлонга. Оттащить его с дорожки уже не успевает: я ударяю по газам, и шезлонг с треском исчезает под колесами.

Шезлонг умер.

Эллен шарахается в сторону, вся красная, под цвет своих ногтей и полосок на бикини. Готова разреветься, но кому охота портить макияж?

Все было бы еще терпимо, говорю я себе, сдавая задом,

если бы не этот средний палец. Гилберт Грейп хамства не прощает. Так и знайте.

Эллен пытается кое-как собрать шезлонг, а я задним ходом двигаюсь к проезжей части. Вижу: из окна гостиной смотрит Арни. И бьется лбом о стекло. Раз семь или восемь, пока его не оттаскивает Эми.

3

В Эндоре два продуктовых магазина. Прямо на главной площади стоит гастроном «Лэмсон», где я работаю, а на окраине города – супермаркет «Фудленд», где закупаются все кому не лень.

«Фудленд» построили в октябре минувшего года. Там, по слухам, продаются любые хлопья для завтрака, какие только можно вообразить, а откуда-то с потолка свисают итальянские колбасы. Говорят, в любом из четырнадцати проходов тебя встречает улыбчивый дежурный персонал. На входе установлены особые двери с электроприводом, которые распахиваются сами собой, как только покупательская нога ступает на черный резиновый коврик. Многие утверждают, что подобных чудес в Эндоре отродясь не бывало. Ко всему прочему в торговом зале включается стереосистема, из которой льется музыка, как в зуборачебном кабинете или в лифте, – не знаю точно, как такая называется. В свое время «Эндора экспресс» писала, что эта музыка призвана успокоить покупателя, умиротворить. Куда там! В «Фудленде» все не как у людей, даже кассовые аппараты: к ним подъезжают ленты-транспортёры, какие разве что в Де-Мойне увидишь, – кто бы мог подумать, что они придут к нам в Эндору.

В марте этого года «Фудленд» устроил типа празднество. Эми потребовала, чтобы я отвез туда ее и Арни. Заранее ре-

шив, что ноги моей не будет в этом супермаркете, я отсиживался в пикапе, пока Эми водила нашего слабоумного по рядам. А потом рассказывала, что Арни орал и завывал, увидев, как по транспортеру едут корзиночки с джемом, фасоль, арахисовая паста.

Кто меня дернул за язык расписывать вам «Фудленд»? Я вообще не намеревался упоминать эту помойку, но разве о ней умолчишь? Иначе ведь толком не объяснить, что представляют собой мистер Лэмсон и гастроном «Лэмсон» и почему я, Гилберт Грейп, до сих пор держусь за эту свою работу.

В гастрономе «Лэмсон» вы не найдете ни дверей с электроприводом, ни транспортеров, ни электронных кассовых аппаратов. В магазине всего четыре прохода, каждый семи метров в длину. При этом в «Лэмсоне» есть все, что требуется нормальному человеку. Но если кому нужны всякие технологические примочки, чтобы убедиться в правильности своего выбора, то таким недоумкам прямая дорога – в «Фудленд».

У нас в «Лэмсоне» все ценники пишутся от руки. Мы общаемся с покупателями, здороваемся, не натягивая фальшивую улыбочку, каждого знаем по имени. «Здорово, Дэн». «Здрасьте, Кэрол». «Приветик, Марти, помощь нужна?» Если вы пожелаете расплатиться чеком, мы не станем требовать кучу сведений и никого не заставим доказывать, что он не верблюд. У нас таких загонов нет. Мы даем понять, что

своим покупателям верим на слово. Покупки ваши разложим по пакетам и донесем до машины.

Возможно, из-за такой непомерной порядочности к нам и не ломятся толпы. Возможно, мистер Лэмсон – постоянное мерило людских недостатков. Человек, который с утра до вечера вкалывает, причем изо дня в день, который любит каждое яблоко, вынутым из коробки, и благоговеет перед каждой жестяной супа, служит для каждого из нас неммым укором.

Я начал подрабатывать у мистера Лэмсона в четырнадцать лет, а после окончания школы, то есть семь лет назад, перешел на полную ставку.

Гастроном занимает белое, декорированное красным здание, ступеньки серые, вывеска без затей: «Продуктовый магазин „Лэмсон“. Обслуживаем вас с 1932 года».

Толкаю дверь с надписью «Вход» и за кассой вижу мистера Лэмсона. Его супруга – женаты они сто лет – сидит в каморке, где у нас контора величиной с чулан, и считает мелочь. Покупателей – ни души. Я надеваю снятый с крючка фартук; хозяин говорит:

– Доброе утро, Гилберт.

– Здравствуйте, босс. – Просовываю голову в чулан. – Доброе утро, миссис Лэмсон.

Хозяйка поднимает голову и светится добрейшей улыбкой. Беру в торце зала швабру и начинаю мести проход но-

мер один.

Мистер Лэмсон, засунув руки в карманы, направляется ко мне:

– Все в порядке, сынок?

– Ну... да. А что?

– Тебе как будто десять лет прибавилось. Мамулик, ты только посмотри на Гилберта.

– Не сбивай меня.

– Дома какие-то неурядицы?

Дома всегда неурядицы.

– Нет, сэр, – отвечаю ему, – ничего такого.

Миссис Лэмсон высовывает голову из чулана:

– У него усталый вид, вот и все. У тебя усталый вид, вот и все.

– Это точно?

– Вы на меня смотрите как на умирающего, не надо так, пожалуйста, я не умираю. Просто очень рано встал. Водил Арни встречать аттракционы. Не выспался.

– И как они выглядят?

– Аттракционы? Вроде обыкновенно. Все то же старое рухло.

Мистер Лэмсон кивает, как будто и впрямь знает, о чем я. Возвращается за кассу, с треньканьем отпирает ящик и приносит мне хрустящую пятерку:

– Пригодится.

– То есть? – не понимаю я.

– Арни, карусели. Этого хватит, чтобы пару раз прокатиться, верно?

– Конечно, сэр. На целую пачку билетов хватит.

– Вот и славно. – Мистер Лэмсон уходит.

Ради Арни он готов на все. Убираю пятерку в задний карман и мету дальше.

Приближаюсь к концу прохода номер четыре: набираю скорость – и вдруг вижу две ступни в женских туфлях. Над туфлями клубится пыль. Поднимаю взгляд: передо мной стоит миссис Бетти Карвер, одетая как училка воскресной школы. Чихает.

– Гилберт.

– Здравствуйте, – говорю.

– Пожелай мне здоровья.

– То есть?

– Когда при тебе кто-нибудь чихает, полагается говорить «будьте здоровы».

– А. Будьте здоровы.

– Не могу дотянуться до овсянки «Квакер». Достанешь?

– Да, мэм.

Слыша в свой адрес «мэм», она улыбается. Замечаю, что у меня под ногтями чернозем. Пытаюсь спрятать руки.

Овсянка «Квакер» стоит у нас на верхней полке в проходе номер три: мне хватает роста, чтобы дотянуться. Вручаю покупательнице коробку. Из-за угла появляется мистер Лэм-

сон и говорит:

– Вижу, Гилберт уже достал. Вот и славно.

И тут миссис Бетти Карвер как прорвало:

– Гилберт – хороший работник?

– Конечно. Лучшего у меня не бывало.

– Надежный, как я понимаю? Ответственный?

– Да. Очень.

Шагает за мистером Лэмсоном к расчетному узлу.

– В таком случае я, видимо, чего-то не понимаю. Почему, как по-вашему, он просрочил выплату страховых взносов? За свой пикап. Как вы считаете, почему?

Миссис Бетти Карвер – жена Кена Карвера, который владеет единственным уцелевшим в Эндоре страховым агентством.

– Боюсь, об этом придется спросить Гилберта.

Она поворачивается ко мне.

– Простите, – говорю. – Я сегодня все улажу.

– Обязательно, – говорит мистер Лэмсон. – Вообще-то, Гилберт, лучше тебе прямо сейчас сбегать и утрясти это недоразумение.

– Нет! – Миссис Карвер почти кричит. Потом переводит взгляд на меня и замогильным голосом, как в церкви, продолжает: – Я считаю, приходить лучше после обеда.

Молча изучаю свои кроссовки.

Миссис Бетти Карвер исчезает вместе с овсянкой «Квакер».

– Вот артистка, ей бы в кино сниматься, – изрекает миссис Лэмсон. – Верно, папулик?

– Отчего же нет? – глядя на меня, отвечает мистер Лэмсон. – А ты как думаешь, Гилберт: получится из нее кинозвезда?

Я иду за шваброй и возвращаюсь к уборке.

Проходит минут сорок; после миссис Бетти Карвер других покупателей нет как нет. Я держусь в торце зала. Мистер и миссис Лэмсон – у входа. Открывая коробку яиц, две штуки я выронил. Еще три раздавил в руках. С шумом валюсь на пол и ору:

– Зараза! Вот черт! Как такое может быть!

По проходу номер три ко мне спешит мистер Лэмсон:

– Что такое? Что случилось?

Видит разбитые яйца. Я сижу на полу, закрывая лицо руками:

– Ну что за невезуха? Простите, босс, я так виноват...

– Ничего, сынок. Просто сегодня не твой день.

– Вы правы, сэр.

– Послушай меня. Ты тут прибири, ладно? А потом ступай, отдохни как следует.

– Нет, это невозможно.

– Я настаиваю.

– Но...

– Гилберт, я же вижу, когда тебе требуется отдых.

Собираю руками скорлупу, потом замываю остальное, отчасти доволен своим лицедейством, отчасти стыжусь обмана. Такого доброго, такого честного человека, как мой хозяин, еще сыскать.

Вешаю свой фартук на крючок; приближается мистер Лэмсон:

– Одно дружеское напоминание. Конечно, мое дело – сторона, но...

– Страховка? – уточняю.

– Именно.

– Как раз собирался сегодня решить этот вопрос, сэр.

– Я так и думал. Ты хороший работник, сынок. Лучший из всех, какие у меня были.

Некоторое время тому назад я бы с ним согласился.

Иду к дверям, а он меня окликает:

– Гилберт, постой-ка.

Останавливаюсь, смотрю на него.

– Как по-твоему, что тебя держит на плаву?

У меня язык отнялся. Вопрос на засыпку.

– То, что... – Мистер Лэмсон делает паузу: как бы готовится изречь жизненно важную истину. – То, что...

– Да? – Уже хочется его поторопить.

– То, что жизнь готовит нам прекрасные сюрпризы.

Делаю вид, что обдумываю такое пророчество, затем с улыбкой, мол, «будем надеяться», продолжаю двигаться в сторону выхода – и тычусь не в ту дверь.

Сажусь за руль, включаю зажигание.

В магазине хозяйка приносит мужу чистую ветошь, и он принимается драить кассовый аппарат. Не иначе как они почувствовали мой взгляд: оба повернулись в мою сторону и дружно машут.

Отъезжаю.

Жалко их: напрасно они в меня так уверовали. Я давно не образцовый мальчик. А вдобавок что может быть хуже, чем постоянно слышать, какое ты сокровище, хотя на самом-то деле ты порядочный урод. На миг меня охватывает жалость к разбитым яйцам. Они приняли безвременную, трагическую смерть от руки обманщика-разнорабочего. Не исключено, что жизнь, как считает мистер Лэмсон, готовит нам прекрасные сюрпризы. Но я считаю иначе. Жизнь готовит нам одну несправедливость за другой. И судьба яиц подтверждает мою точку зрения.

Еще нет одиннадцати утра, но жарыща адская, сиденье пикапа раскалилось, я плаваю в поту. Как рыба.

Через два квартала меня ждет цитадель надежности и защиты – страховая компания Карвера. Расположенная в здании бывшей бензоколонки, страховая компания Карвера относится к тем городским постройкам, которые за последнее время были переоборудованы или капитально отремонтированы, – только гастроном «Лэмсон» остается в неприкосновенности.

Заезжаю на покрытую гравием парковку. Вылезаю из пикапа – и по ляжкам слезами катится пот. В дверь вхожу опасно, потому что над притолокой висят колокольчики, которые звякают тебе прямо в ухо. Динь-дон, трень-брень.

Мелани, секретарша мистера Карвера, встревоженно поднимает глаза, будто не верит, что в приемной оказался еще кто-то живой. Закрутив колпачок на флаконе с корректирующей жидкостью, она говорит:

– А, приветик, Гилберт Грейп.

– Привет, – отвечаю.

На голове у Мелани высоченный рыжий начес, уже сто лет немодный. На лице бородавка – потянет фунта на полтора. При этом тетка не вредная. Ей уже за сорок, но она требует, чтобы к ней обращались запросто, по имени. Когда я учился

в школе, она там работала помощницей библиотекаря. Иногда пускала меня в конференц-зал – вздремнуть. Однажды я увидел, как она курит; это зрелище чем-то меня огорчило.

– Ты к мистеру Карверу?

Тот подает голос из кабинета:

– Это ты, Гилберт? Мелани! Это Гилберт Грейп?

– Да, – говорю, – это я. Здравствуйте. Кажется, у меня просрочен взнос.

Мелани даже не проверяет мое досье:

– Просрочен, Гилберт. Выпиши нам чек на сто двадцать три доллара сорок три цента – и ступай на все четыре стороны. – Она прикрывает дверь в кабинет мистера Карвера. – Но ведь на тебе постоянно висят задолженности... откуда вдруг такая сознательность, почему именно сейчас?

– Да вот, понимаете, решил в корне изменить свою жизнь.

Мелани улыбается. Изменить свою жизнь, начать с чистого листа, стремиться к лучшему. Начнешь ежедневно разглагольствовать подобным образом – и в Эндоре можно будет выжить, а если повезет, даже преуспеть.

– Тебе ведь на прием к директору не нужно, правильно я понимаю? Тебе только средства внести.

– Да, верно. Хотя... мм... я тут слегка подзапутался, когда изучал эти... как их... на что можно рассчитывать по страховке.

– Наверно, ты хочешь узнать, какие тебе положены *компенсационные выплаты*.

– Вот-вот.

– Я правильно тебя услышала: ты все-таки решил записаться на прием?

Ну, не знаю, что там услышала Мелани. У меня язык заплетается от ее прически. Сейчас бы сюда баллончик краски да секатор. К счастью, я редко говорю то, что думаю. Привык держать свои мысли при себе.

– Записаться на прием было бы весьма своевременно.

– Гилберт, какой у тебя богатый лексикон.

Хочу объяснить, что любые мои проблески интеллекта – это памятники долгим часам самоподготовки, отданным сну в библиотеке.

– За свой лексикон могу благодарить только вас. Я всем обязан вам, Мелани.

– Подхалим.

– Нет-нет, я серьезно.

– Значит, ты преувеличиваешь.

– Вовсе нет. Под вашим руководством мы занимались самоподготовкой. У нас в школе вы были самым лучшим педагогом продленки. В этом не сомневался ни я, ни кто-либо другой.

– Как мило.

– Допустимо ли сказать «как мило», если это правда?

– Вот не знаю. Могу тебя заверить: работа у мистера Карвера мне по душе – ты никогда не услышишь от меня ничего иного, а кроме того, я убеждена в полезности страхова-

ния. Но строго между нами – без школы я скучаю.

– А школа, я уверен, скучает без вас.

– Школу прикрыли, Гилберт. Как она может скучать?

– Непременно скучала бы, будь у нее такая возможность.

– Меня разозлить не так-то просто, и ты это знаешь, но я бы головы поотрывала тем, кто принял решение о закрытии нашей школы. Теперь детей автобусом возят в Мотли.

– Вообще говоря, народ разъезжается.

– Я понимаю, но тем не менее.

– В старшие классы нас пришло тридцать девять человек, а к выпускному осталось всего двадцать три.

– Ой, ну надо же. Мы с тобой могли бы хоть целый день болтать, правда? У нас так много общего, ты согласен?

– Не знаю, как ответить на такой вопрос, не скатываясь до самого бессовестного вранья.

– Да, если вдуматься, очень много общего.

– Я всегда жалела, что мы с тобой не одногодки. Быть бы тебе постарше или мне помоложе. Из нас получилась бы дивная пара, согласишься. В самом деле, такая жалость.

– Досадно.

– Вот-вот – досадно, хорошее слово.

После завершения этого разговора прошел не один час, но почему-то у меня до сих пор шевелятся губы, а с языка готовы слететь какие-то слова, причем совершенно не ругательные. Удивительная все-таки штука – разум. Мой разум, естественно. А не ее.

Внезапно Мелани перешла на деловой тон. Голос сделался резким, колючим:

– Значит, ты желаешь записаться на прием к мистеру Карверу?

– Да, мэм. Если можно.

– Одну минуту.

Встав со своего кресла, она идет в сторону кабинета и в высшей степени деликатно стучится. Мягко толкает дверь. Из кабинета доносится классическая музыка. Через несколько минут Мелани с улыбкой появляется на пороге, как будто у нее для меня есть потрясающая новость:

– Как удачно. При желании ты можешь зайти к мистеру Карверу прямо сейчас.

Мистер Карвер кричит:

– Буду счастлив повидаться! Заходите, прошу – что-нибудь придумаем.

– Благодарю вас, мистер Карвер, но я зайду позже. Мне тут надавали поручений – одно, другое.

У мистера Карвера только и вырывается «Ох», как будто он вот-вот заплачет, Мелани улыбается, причмокивает и говорит:

– Кто-кто, а я-то знаю, как это бывает. Сама изо дня в день бегаю по разным поручениям. Как будто у меня других дел нет. Ну что ж...

Она открывает ежедневник, в котором сегодняшняя страница – среда, первый день лета – девственно-чиста.

– Итак, день выбран как нельзя лучше. Мистер Карвер уходит на обед в двенадцать. Возвращается ровно в час. В четыре часа они с супругой едут в Бун, сюрпризом проведать сыновей в церковном лагере. Так что до четырех часов можешь выбирать любое время.

– В два нормально будет?

– Идеально. Как раз в приемные часы. Если, конечно, тебя устраивает.

– Да, вполне.

– Стало быть, ждем тебя ровно в четырнадцать.

– Годится.

– Хорошего дня. Передавай привет Эми и всем родным. Маме. Вашу маму сто лет не видела. Как она поживает?

– Да вы, наверно, сами знаете...

– Нет, откуда? Я давно не...

Отвечаю:

– У нее намечаются существенные перемены, весьма существенные. – И пячусь к выходу.

Мелани прикладывает палец к губам – дает мне знак помалкивать. Потом жестом подзывает к себе и шепчет:

– Ты ничего не сказал про мою новую прическу.

– Да, верно.

– Нравится?

– Как для вас придумана.

– Ты так считаешь?

– Вам очень идет.

Мелани на миг умолкает. Прямо светится вся с головы до ног – метр с кепкой на коньках. Сам не знаю, как это получилось, но я эту женщину осчастливил на весь день.

– Будь я помоложе...

Господи. Опять начинается. Надо рвать когти, Гилберт.

– Ну, пока!

Дверь отворяю медленно, а колокольчик все равно звенит и тренькает.

Опустив стекла в дверцах, трогаюсь с места. Ветер треплет мою шевелюру, норовит выцарапать глаза. Я так оброс, что волосы уже проедают мне плешь.

Проезжаю мимо «Шика», одного из двух городских салонов красоты, и вдруг меня начинает преследовать невесть откуда взявшийся образ Мелани с ярко-оранжевой копной тупа сахарной ваты на голове. Копна стоит строго вертикально, будто нетронутая стёрка на карандашном огрызке. Пробую представить, как выглядит Мелани, когда утром выходит из ванной с мокрыми, обвисшими волосами. Смотрится в зеркало и хочет сотворить ложь, которая расшевелит ее и заставит двигаться. Мне никогда не понять, каким образом она сохраняет свой позитивный настрой. Я бы на ее месте, наверно, день и ночь слезы лил.

Смотрю на стрелку – она диктует мне дальнейшие действия. Еду через весь город, на бензоколонку к Дейву. Заправляться у него – одно удовольствие, и причиной тому – отбивка или отбойник, ну, короче, та черная штукенция, которая тянется через всю площадку. Когда по ней проезжают шины, она должна пинькать, или тренькать, или дребезжать. На бензоколонке у Дейва эта фигня давным-давно вышла из строя, и чинить ее он не планирует – придерживается того же мнения, что и я: человек не обязан лишний раз напоми-

нать о своем существовании.

Потому-то я и заправляюсь только здесь. Никакого тебе отбойника, ничего не пинькает, не тренькает, не дребезжит. Просто блаженство.

Заливаю горючки на пару баксов, выбираю себе в шкафике-автомате апельсиновую газировку и пакет «Читос». Деньги приготовил под расчет.

Дейв говорит:

– Луна-парк, однако.

– В смысле?

– Для бизнеса – золотое дно.

– В самом деле? – переспрашиваю.

– Часть аттракционов на бензине работает.

– А закупают его, надеюсь, у тебя.

– Ну да.

Дейв расплывается в улыбке. Никогда не видел, чтобы он светился такой гордостью.

На выезде из города замечаю Чипа Майлза – рассекает на тракторе по отцовской ферме. Сигналю, и Чип в ответ машет, весь из себя счастливый, оттого, как мне кажется, что хоть кто-то его узнал. Парнишка он ладный, накачанный, всем своим видом будто говорит: «У меня мышца спортсмена: день-деньской сгребая сено». Он у нас был чемпионом по борьбе на руках – в Мотли выступал за команду старшеклассников. Пару месяцев назад окончил школу. Трагедия Чипа в том, что за все четыре года учебы в старших классах

у него ни разу не получилось девчонку закадрить. Понимаете, ему на передний зуб поставили коронку из белого металла, а в наших краях девушки этого на дух не переносят. При разговоре он старается не шевелить верхней губой. Но если застичь его врасплох (как вот я сейчас), он разинет рот, гаркнет «А-а-а!» – и сверкнет зубом.

Перед возвращением в страховую контору мне нужно как-то убить время, и я планирую немного расслабиться. Выжи-маю семьдесят, потом семьдесят пять миль в час и сворачиваю на мою любимую проселочную дорогу.

Вокруг Эндоры все дороги прямые, плоские, как блин, и безликие, за исключением шоссе номер два, где я в данный момент и нахожусь. Здесь дорога петляет, а под аккуратным мостиком бежит Скунсова речка – на самом-то деле всего лишь протока, но раз ее официальное название – речка, все думают, что так оно и есть.

Еще одиннадцать миль – и я на сельском кладбище. Проезжаю сквозь какую-то железную раму – бывшие ворота, что ли. Заглушив движок, иду среди могил. Нашел свое насиженное место, устраиваюсь. Жую «читос», запиваю апельсиновой шипучкой. Откидываюсь на спину, гляжу в небо. Каждые минут пять слышу, как мимо проезжает легковушка или тягач. Изучаю облака, хотя какие это облака – так, белый пух, мелкие потеки, отдельные мазки белил, и все они движутся, но как-то бестолково; даже облака валяют дурака.

На каждый глоток шипучки – два «читоса»; и то и другое быстро кончается. Переворачиваюсь на живот и пытаюсь вообразить, как выглядит сейчас мой отец. Кожа, естественно, сошла, сердце, мозг и глаза превратились... во что положено, в то и превратились. Рассыпались в прах, не иначе. Где-то я слышал, что наиболее устойчивы к тлену волосы. Наверняка и кости остались, гниют себе помаленьку.

Слева от надгробья – пара сорняков. Выдергиваю их с корнями и отбрасываю подальше, на кого бог пошлет.

Сердце стучит: напоминает, что я еще жив. Оказавшись именно здесь, на кладбище, именно в этот день, ощущаю себя избранным. Как будто я возвышаюсь над всеми.

Переворачиваюсь на спину, дышу полной грудью и засыпаю.

Разбудил меня въехавший на кладбище экскаватор. В кабине двое мужиков – не иначе как могилу копать собираются.

Солнце уплыло далеко к горизонту. Провожу рукой по лицу – кожа горячая. Надо же было так сглупить: задряхнуть прямо на солнцепеке, даже не смазав физиономию защитным кремом. Теперь вот сгорел, как головешка, к вечеру светиться начну. Подхожу к могильщикам, спрашиваю:

- Время не подскажете?
- Да уж пятый час, наверно.
- Спасибо.

Уже чувствую ожог и начинаю искать, чем бы себя отвлечь.

– Вот, значит, как теперь могилы копают? Я-то думал, вы лопатами махать будете.

– Нет, парень, лопатами уж сто лет никто не машет.

Меня вдруг охватывает неподдельный интерес к их работе.

– Много нынче могил требуется?

– Да, немало. Мы с напарником все три местных кладбища обслуживаем.

– А не знаете, случайно, в эту свежую могилу кто ляжет?

– Как не знать, знаем. У нас же вот – списочек имеется.

Список сейчас изучает его напарник – тот, что помалкивает.

– Я не зря спрашиваю, – говорю им, – у меня вчера знакомая умерла.

– Сочувствую, парень.

– Да, бывают такие дни.

– Ага, бывают такие дни, когда смертушка приходит.

– Во-во, надо же когда-нибудь и помирать.

– Именно так, – поддакиваю им.

– Вот, нашел: Брейдер ее фамилия.

– Брейнер – точно, это она.

– Так мы, выходит, для твоей знакомой могилу копаем?

– Ну да.

Напускаю на себя печальный, сиротливый вид.

– Не больно-то ты горюешь.

– Это как посмотреть: я скорблю в уединении.

– А, ну-ну.

Углубились они где-то на метр; тогда я говорю:

– Поглубже бы надо.

– А, чего?

– Да так, ничего. Бывайте.

Отхожу, а молчаливый что-то бормочет главному.

– Эй, парень, погоди-ка!

– Да?

– У моего напарника вопросец есть.

– Ну? – Это я уже отошел могил на десять.

– Он стесняется спросить: ты сам не из Грейпов ли будешь? Мы-то родом из Мотли. Но у нас об этом семействе много чего болтают...

Со второй попытки захлопываю дверцу пикапа. Обдавая могильщиков пылью, оставляю их в недоумении. Разворачиваюсь к дому. И еле сдерживаюсь, чтобы не выкрикнуть: «Естественно, из Грейпов! Я – Гилберт Грейп».

6

По пути в Эндору минуя городскую водонапорную башню: серебристая, с черной надписью, смахивает не то на старый свисток, не то на низкобюджетную ракету. Будь она ракетой, я б тут же забрался внутрь и усвистал куда подальше.

Опять еду мимо Чипа Майлза. Он машет, а я в этот раз даже не сигналию.

Беглый взгляд в зеркало заднего вида – и опасения подтверждаются. Кожа уже сделалась ярко-малиновой. К ночи станет багровой.

В нескольких домах от нашего посреди проезжей части валяется нечто. Сбрасываю скорость, несколько раз сигналию. Бревно не двигается.

Затормозив, паркуюсь и подхожу вплотную. Шепчу: «Прооооочь». Шамкаю, как будто сейчас плюну. Бревно ни разу не шелохнулось. Тогда я ору во все горло:

– ОЙ, БЕДА! АРНИ УМЕР!

Он улыбается – как бы одобряет мою смекалку.

– Я заметил, – говорю.

– Что ты заметил?

– Улыбочку.

– Но я же умер, Гилберт. Беда.

– Ничего подобного.

– Умер, умер!

Я начинаю завывать, стонать и всхлипывать. Бью себя в грудь. Напоказ, конечно: Арни-то покуда живехонек. Соседи наши, случись им увидеть такое зрелище, сочли бы мое лицедейство полной фальшью. Я никогда не плачу. Не плачу – и точка. От меня этого и не ждут. А сейчас так и тянет заорать. Пусть хоть что-нибудь тут произойдет! Пусть хоть братское действо! Открыли глаза, выглянули в окно – а там какая-никакая Жизнь течет! Я и впрямь заорал, но только молча, внутри, а сам поднимаю Арни: одну руку просунул ему под плечи, другую под коленки. У него запрокидывается голова: опять Арни умер. Укладываю его в кузов пикапа и сворачиваю к нам на подъездную дорожку.

Арни выскакивает и несется в дом, не потрудившись придержать дверь с сеткой. Просто чудо, что он дожил до этого возраста. Скоро ему восемнадцать стукнет, шестнадцатого июля, меньше месяца осталось. Кто бы мог подумать? Сейчас мы планируем такую вечеринку, что всем вечеринкам вечеринка будет. Для нашей семьи, особенно для моей матери, восемнадцатилетие Арни станет знаменательным днем. Дороже, чем День благодарения, богаче на подарки, чем Рождество, день рождения Арни вместе с тем соберет, к сожалению, за одним столом всех блудных Грейпов.

Моя мать – женщина немногословная. Слова у нее отфильтрованы, и разговоры ведутся только на три темы.

Первая, наиболее частотная: «Где моя еда?» Или: «Что на ужин?» Или: «Не чую запаха стряпни, а ты?» Короче, еда.

Вторая начинается примерно так: «Сигареты не забудь купить». «Кто взял мои сигареты?» «Спички! Даст мне кто-нибудь спички, в конце-то концов?!» Курение.

Третья, и последняя, вариантов не допускает. Мама поднимает эту тему как минимум раз в день. Тут проявляется все материнское красноречие. Звучит это так: «Я прошу о сущей малости. Мне бы только дожить до восемнадцатилетия моего мальчика. Неужели я прошу слишком многого?» На похоронах отца, как я заметил, мама что-то записывала на бумажной салфетке. Утверждать не могу, но, сдаётся мне, там были аккурат эти слова.

Отворяю дверь, захожу в дом. Вижу: Арни прячется под столом у мамы, обхватив руками ее щиколотки. Она говорит:

– ...до восемнадцатилетия моего мальчика. Неужели я прошу слишком многого?

– Привет, – говорю, – мама.

Она закуривает сигарету. Синюшные губы делают длинную затяжку. Мама улыбается, но не столько мне, сколько мальчику, прильнувшему к ее ногам, и сигаретке у себя во рту.

– Гилберт, кушать хочешь?

И вдруг у меня на глазах мама куда-то исчезает вместе с Арни. Я подскакиваю к образовавшейся под ними дыре в полу, и мне видится, как они летят без остановки, поднимая ветер, минуют центр Земли, чтобы выпасть с другой сторо-

ны, не иначе как во Вьетнаме или где-то рядом, но не останавливаются, а летят еще дальше – естественно, к Солнцу, и, когда мама с Арни врезаются в Солнце, оно вспыхивает невысказанно ярким светом, полыхает жаром и дотла испепеляет Землю. К счастью, это происходит лишь в моем воображении.

Разглядываю просевший под мамой пол. Углубление стало заметнее, чем было утром. Иду в кухню, где Эми на двух сковородах готовит мясную запеканку.

– Вкусно пахнет, – говорю.

– Ты так считаешь?

– Угу.

Эми мечтает, чтобы я, приходя с работы, каждый раз ее обнимал. Но Гилберт Грейп не снисходит до телячьих нежностей.

– Я тебе звонила – хотела попросить, чтобы ты к ужину картошки принес. Мистер Лэмсон сказал, что ты... – Эми осеклась, заметив, какого цвета у меня кожа. – Боже мой, Гилберт.

– Ну да, ну да, смотреть страшно, это ты хочешь сказать? Солнце сегодня, как...

Повернувшись спиной к плите, Эми качает головой.

– Мистер Лэмсон дал мне выходной.

– Нам деньги нужны. Где это видано: взять выходной, чтобы отправиться позагорать... – Она берет зубочистку и проверяет, готова ли запеканка.

– День сегодня не задался...

Протыкая вторую запеканку, она обжигает два пальца:

– Ай! Черт! Черт!

Чертыхаться – не в ее привычках. Эми подставляет руку под струю холодной воды. Я беру прихватки и вытряхиваю вторую запеканку из сковороды.

– Полегчало?

– Конечно.

Приготовившись солгать, говорю:

– До чего аппетитно выглядит.

– Кстати, звонила Мелани. Насколько я поняла, ты пропустил какую-то встречу с мистером Карвером...

– Тьфу, зараза. – Совсем из головы вылетела эта встреча.

– Она была недовольна...

– Я повторно к нему запишусь...

– Она сказала, что у мистера Карвера вряд ли найдется для тебя время.

В столовой мама передала пульт Арни, и тот неистово давит на кнопки.

– Я, кажется, догадываюсь, зачем ты отпросился с работы. Но по крайней мере, хочу верить, что у тебя все же была веская причина. Он возьмется нам помочь? Скажи, что он согласен.

– Кто «он»?

– Такер.

– А как же, конечно.

– Стало быть, вы с ним договорились.

– Э... мм...

– Вот, значит, для чего ты отпросился. Чтобы решить проблему с нашим полом.

– Да?

– Это вопрос? Ты спрашиваешь или подтверждаешь?

– Такер охотно поможет.

Эми уже не знает, можно ли мне верить. Она закручивает кран и вытирает руки о фартук. С полуулыбкой поднимает стопу и вдруг громко топает.

– Муравьи, – сообщает Эми. – Так и тянутся к нам в дом.

– Хоть кому-то мы полюбились.

– Как остроумно, Гилберт.

– Если бы Эллен сразу мыла посуду...

Мытье посуды – обязанность Эллен, я отвечаю за стирку, а Эми – за все остальное.

– Да, чуть не забыла: до чего же умно ты поступил сегодня утром. С папиным шезлонгом, если ты еще не понял.

– Я понял.

– Это был папин любимый шезлонг.

– Ну...

– И Эллен все утро сходила с ума.

– Не сомневаюсь.

– Очень прошу. Пожалуйста, прекрати свои провокационные выпады. – Эми у нас любит трескучие фразы из серии «я ж педагог». – Ей сказано, что я ожидаю разрешения этого

конфликта сегодня, и ни днем позже. В семье должно быть нормальное взаимодействие. Мы не обязаны друг друга любить, но обязаны находить общий язык. Ты меня слушаешь?

– Да.

– Так прояви добрую волю. Как старший по возрасту...

Завершив сегодняшнюю нотацию, Эми указывает пальцем в сторону холодильника: к дверце скотчем приклеен розовый конверт. На нем красуется огромная лиловая буква «Г». Уношу его с собой вниз, иду в туалет, сажусь на толчок и читаю послание.

Дорогой брат.

Приношу свои извинения.

Делаю это из-под палки, я же на самом деле ни в чем не виновата. Со мной кое-что происходит, но объяснить не могу. Парню этого не понять.

Твоя сестра.

Внизу листка – расплывшееся пятно. Эллен обвела его бирюзовым фломастером и приписала: «Одна из многих слез, до которых меня довел ты». Не спеша комкаю листок, бросаю в унитаз и спускаю воду.

Первую запеканку Эми разломил надвое. Половину дала Арни, половину мне. Вторую запеканку целиком перенесла на мамину тарелку, но съестное там долго не залеживается. Мама съедает первый кусок и, пощелкав по каналам, отправляет в рот следующий.

– А ты не будешь, Эми?

– Нет. Я сажусь на диету, – шепчет она. – Прямо сегодня.

– Вот оно что. Но перекусить-то надо.

– Ты посмотри на меня, Гилберт.

Лучше не смотреть.

Если Эми так озабочена проседанием пола, зачем она приготовила для мамы целую запеканку? Спрашивать бессмысленно. Вместо этого лезу в ящик за вилкой – и что я вижу: к одному из зубцов присохла какая-то крошка. Выбираю другую вилку: на ней полоса то ли жира, то ли масла. Проверяю одну за другой: все либо жирные, либо со следами пищи – хоть не прикасайся. Так что запеканку ем пальцами, как животное. По крайней мере, рассуждаю сам с собой, я знаю, к чему прикасался этими руками; тут в кухне появляется Эми.

– Что за дела, Эми, ты посмотри на эти вилки. – У меня полон рот мяса. – Как тебе такое?

Эми не разобрала ни слова:

– Сперва прожуй, потом говори.

– Эти вилки... любовно вымытые в предменструальный период моей сестрицей, которую я люблю и обожаю, холю и лелею... – Делаю паузу, чтобы вытолкнуть языком застрявший в зубах комок мяса. – Эти вилки доказывают...

Эми улыбается. Ей приятно видеть меня в расстроенных чувствах. Полагаю, в этом ей мерещится подтверждение, что у ее брата есть хоть какие-то чувства.

– Эти вилки доказывают...

– Что они доказывают?

– СУЩЕСТВОВАНИЕ ДЬЯВОЛА!

Мама роняет свой столовый прибор:

– Эми?

– Да, мама?

– Скажи ему, что это мой дом. Скажи ему, что кричать за ужином здесь никому не позволено. Так ему и скажи.

– Гилберт сам знает, мама. Он нечаянно повысил голос.

Черта с два нечаянно.

– Пусть сгоняет маме за сигаретами.

Эми идет в столовую и на ходу говорит:

– У тебя еще целая пачка есть, неначатая.

– А на потом? ПОТОМ ЧТО Я БУДУ КУРИТЬ?

Из стоящей на холодильнике банки от кофе «Фольджерс»

Эми достает десятку и протягивает мне:

– Купи ей сигарет. И умоляю: переговори с Такером. Чтобы впредь меня не обманывать, ладно? А в девять забери Эллен с работы. Она любит, когда ты за ней заезжаешь. Это послужит добрым знаком.

– Конечно, Эми. Все будет сделано.

– Вот и славно. Я знала, что на тебя можно положиться.

В такие вечера мне просто необходимо вырваться из дому. Поколесить по городу, помечтать о путешествиях. Припомнить семьи, которые в детстве видел по телику. Помеч-

тать о красивых лицах и гоночных автомобилях, вообразить, что я – это я и есть, но родственники у меня совсем другие. Воображаю, что я – это я и есть.

Такер спрашивает:

– Ты слышал? Нет, ты это слышал?

– Что я должен был слышать?

– У нас наконец-то строят... – Он вынужденно умолкает:
ему в рот залетела мошка.

– Что у нас наконец-то строят?

– «Бургер-барн». – И смотрит на меня так, будто я должен
теперь пуститься в пляс.

– Ну, – говорю, – и что дальше?

– Неужели до тебя не доходит? Неужели непонятно, какие
будут... э-э-э... мм...

– Последствия?

– Во, точно, забыл слово. «Бургер-барн» – это только на-
чало. А там, глядишь, появится у нас и «Пицца хат», и «Кей-
Эф-Си». А может, даже «Тако белл». Я на работу устроюсь.
Мне форму выдадут.

– Круто, – говорю.

– Гилберт, я тебя ненавижу. Весь день собирался тебе это
сказать. Ну что ты тут вытянулся, как телеграфный столб?

– У тебя пиво есть?

– Есть ли у Такера пиво? У Такера есть канадское пиво.

– Ну и какой в нем кайф?

– Для канадского пива используется особая вода.

– Надо же, какая важность.

– Очень даже большая важность, Гилберт. Не каждый сорт пива производится на особой канадской воде.

Он кидает мне две банки, я ловлю и начинаю дегустацию.

Такер живет в переоборудованном гараже позади родительского дома. Там у него есть маленький холодильник и электроплитка, но больше для виду – он все равно харчуеться у родителей. Гараж он перестроил своими руками, на пару с отцом; получилось, может, и неказисто, зато вполне функционально: этакая квартирка со спальным местом. В двери прорезано отверстие и поставлено витражное окно с изображением лошади. Но в целом жилище пыльное, темное, под стать самому Такеру. Сделали там подсветку для его коллекции пивных банок численностью более девятисот штук. Заходишь – и в нос шибает запах, как в пивном баре. В баре без женщин: Такер с женщинами не знается.

Допиваю первую банку; он говорит:

– Вся фишка – в этой канадской воде.

– Да брось ты.

– Признай: вода – это главное.

Лучше я кругом облажаюсь, чем признаю правоту Такера. И ни в одной игре не дам ему одержать верх: если увижу, что к тому идет, придется изменить правила.

– Короче, насчет «Бургер-барна». Прикинь: сюда вызвали бригаду мастеров, и они не позднее чем за месяц сдадут работу под ключ. Я сегодня ездил посмотреть что да как. Это

рядом с «Фудлендом». Уже площадку разровняли, откроются... к середине июля.

Такер нынче в ударе. Чтобы к себе подобрать, ему обычно требуется две банки пива, но сегодня хватило одной, да и то неполной.

– Я что хочу сказать, – продолжает он, – как раз сегодня утром просыпаюсь, смотрю вокруг и замечаю подвижки. Замечаю, что жизнь моя налаживается. У многих даже угла своего нет, верно? А у меня отдельное жильё. И руки растут откуда надо, согласен?

Я киваю, но мысли блуждают где-то далеко.

– В общем, я даже с постели не сразу встал. Пошевелиться не мог! У тебя такое бывает? Не свисти! Так вот, выбрался я наконец-то из койки, пошел к своему грузовичку...

Пикап у Такера появился на неделю позже, чем у меня. Только новый. Причем его папаша кредит взял, чтобы расплатиться, а сам он не потратил ни цента. Грузовичок у него и сейчас как новенький: на ночь Такер укрывает его черным брезентом.

– ...он у меня заводится с полтыка, движок не кашляет, красотища... и поехал я в «Фудленд» пончиков прикупить...

Лучшие пончики, вертится у меня на языке, продаются в гастрономе «Лэмсон». Сжимаю кулак, чтобы двинуть Такеру в плечо, но останавливаюсь, потому что у него навернулись слезы.

– ...и жизнь моя вдруг оказалась совсем не такой, как я

хотел, понимаешь? Я задумался: «Неужели это все?» Понимаешь меня? Неужели это весь мой... э-э-э... как его...

– Потенциал.

– Точно, потенциал.

Не может же быть, чтобы у него из-за этого слезы потекли? Наверняка комар в глаз попал или клочок пыли.

– Надеюсь, еще хоть что-нибудь за душой осталось, а иначе зачем из койки вылезать? Понимаешь? И тут я вижу щит с надписью, что, мол, будет у нас «Бургер-барн», и... даже не знаю, как сказать... но в жизни вдруг появился... э-э-э... как его... появился...

– Смысл.

– Точно. Ну вот... – Такер утирает глаза. Он и впрямь прослезился, и на меня вдруг накатывает тошнота. – Тогда-то до меня и дошло, что это непременно... мм... сбудется. Я опустился ниже плинтуса, а теперь пойду в гору.

Такер умолкает в ожидании ответа. Я откупориваю вторую банку и присасываюсь к пиву.

– Ты за меня не рад? Ты за меня не рад? Ты за меня не рад?

Заглотив две банки пива, могу и ответить.

– Такер, – прерываю его, – я за тебя рад.

Он расцветает. Не сечет, когда я лгу. Забрав у меня пустую жестянку, он прополаскивает ее над маленькой раковиной и вытирает полотенцем. Включает подсветку и без лишней суеты подселает банку ко всем прочим.

– Фух. Непростой денек был. Надо сбавить обороты. Сейчас начнутся бои без правил. Оставайся, вместе посмотрим.

– Нет, спасибо, братан, от боев без правил меня избавь.

Он вытаскивает свое кресло-мешок на середину комнаты, включает телик, усаживается, и наполнитель кресла издает характерные звуки.

– Ну, о'кей, – говорит Такер. – Ладно, давай тогда, пока.

– Такер, у меня к тебе просьба.

– Кто бы сомневался. Я, как услышал от тебя «братан», сразу понял. Неподходящий день ты выбрал, чтобы меня загружать. Ох и утомился я сегодня!

– Всего лишь...

– Я только что тебе рассказал, какой у меня сегодня выдался день. Невероятный. Куда уж больше...

– Речь идет о маме.

– Что?

Повторяю: речь идет о маме, и смотрю – Такер вдруг встрепенулся. Любит он мою мать едва ли не больше, чем свою собственную.

– Приболела? Как она?

– Слушай, Такер, ты один из немногих, кто в последние годы видел маму.

– Ну да, это для меня много значит.

– Тебе известно, что в наших краях она самая тучная.

– Я тут на ярмарку штата ездил – там мужик один был еще малость тучней...

– Допустим, но...

– Я только хочу сказать, что она не самая тучная, кого я видел. Вот и все.

Рассказываю ему, как у нас проседает пол. Он говорит:

– Твоя мама не до такой степени грузная.

– Боюсь, уже до такой степени.

– Да ладно тебе.

– Это надо видеть.

– Завтра к вам загляну.

Встаю, подхожу к телевизору. Загораживаю собой экран, тыльной стороной ладони, не глядя, нажимаю на кнопку выключения:

– Мама ждет тебя сегодня.

Направляемся к нам домой, по пути делаем остановку, чтобы купить блок сигарет в «Хэппи-ЭНДоре», – глупее названия для магазина не придумаешь. Обычно при моем появлении Мэгги, Джош, или кто там сидит за кассой, сразу пробивает блок «Кула», не дожидаясь, пока я подойду. В этом, пожалуй, состоит единственное преимущество незыблемости материнских привычек.

Дома застаем маму и Арни перед телевизором: идет игра «Новое свидание вслепую»; Арни спит на полу.

– Мы с Такером, – говорю, – хотим в картишки перебраться. – А сам передаю Эми блок сигарет. – Или дротики покидать.

– С дротиками поаккуратнее, – предупреждает Эми.

Такер машет рукой:

– Ау, миссис Грейп!

Мама только что выбрала холостяка под номером два и не отрывается от экрана. С Такером не поздоровалась, за сигареты спасибо не сказала. Она считает, что благодарность надо выражать не словом, а делом. Меня, надо думать, она благодарит тем, что выкуривает каждую пачку без остатка. Спускаемся в подвал; у Такера отвисает челюсть. Если смотреть снизу, просевший пол выглядит еще страшнее. Доставая из кармана рулетку, Такер говорит:

– Тянуть нельзя. Балки того и гляди обрушатся. – Он вознамерился поговорить с мамой. – Посмотрим: может, она согласится на время перебраться в другую комнату.

– Ее с места не сдвинешь, – говорю ему. – И потом, если она узнает, что вот-вот проломит пол, нам от нее житья не будет. Тем более что обрушение намечается как раз над тем местом, где повесился мой отец.

– Что? – Такера вмиг перекосило. – Прямо тут? Вот здесь нашли твоего папу?

– Ага. Висел вон на той балке. Под ним лужа мочи, блевота кругом. – Указываю на мочный шланг и строительный фен. – Когда его нашли, он еще покачивался. Даже тепловатый был. Но время упустили.

Такер не знает, куда деваться; объясняю, что у человека перед смертью напоследок срабатывают внутренние органы.

– Случается и обделаться, и в штаны напрудить. Пока в петле болтаешься.

Он говорит: не понимаю, дескать, как можно быть настолько бесчувственным.

А я ему: если, мол, с этим давно живешь, такие разговоры в порядке вещей.

– Ну допустим, начну я по этому поводу слезы лить – что от этого изменится? Дело прошлое: как он решил, так и сделал, а сейчас главное – поторопиться, чтобы мама в подпол не провалилась.

По прикидкам Такера, провалится она в начале следующей недели.

– Но может и сегодня.

С этими словами он за плечи оттаскивает меня в сторону.

– Ты что?

– Или даже прямо сейчас.

Поднимаемся по лестнице – нужно дойти до моего пикапа.

Эми отмечает:

– Быстро вы в картишки перекинулись.

У меня, говорю, пропала охота в игры играть, а сам ей подмигиваю – хочу намекнуть, что мы вплотную занялись половым вопросом. Сдается мне, намек до нее не дошел, поскольку она опять за свое:

– Не забудь Эллен с работы забрать.

– Ладно, – отвечаю, – ладно-ладно.

– До свидания, миссис Грейп, – гаркает Такер.

Мама не шевельнулась. Я вот что думаю: Такер, вероятно, потому так обожает мою мать, что она к нему не суется.

Загружаемся в пикап, но тут до меня доносится вопль Арни. Мчусь обратно в полной уверенности, что мама провалялась в преисподнюю. Распахиваю дверь и вижу, что Эми прижимает к себе нашего мелкого, которому просто-напросто приснился страшный сон.

– Все нормально, Гилберт. Езжай с Такером. Вам давно пора оттянуться. – А сама подмигивает.

Из чего я заключаю, что мой намек все же был понят.

8

– Для спасения твоей мамы нужно как следует продумать план работ. Никакой пол не выдержит этого... этого...

– Знаю, братан, знаю. Но если кто и может ее спасти...

– Спасибо. От тебя такое услышать – дорогого стоит.

Подбрасываю Такера домой. Он выпрыгивает на ходу, кричит: «Срочно за работу!» – и несется к себе составлять план.

Моя сестра Эллен работает в «Сливочной мечте». Мечта – это сильно сказано. Что там есть: вафельные рожки с мороженым, несколько видов подкрашенной газировки, сладкие батончики, обсыпка для кексов, эль, орешки, молочные коктейли, а также реально мерзкая, зверская штуковина, способная довести меня до бешенства, – дверной колокольчик с подвесками, которые своим звяканьем, а может, бряканьем сообщают о приходе покупателя.

Прежде чем сунетесь в эту «Мечту», советую заглянуть в окошко и выяснить, чья сегодня смена. Сперва нужно убедиться, что девчонка тебя не видит, а затем понаблюдать, до какой же степени она ненавидит свою работу. Всем своим видом показывает: ей бы больше подошло рассекать на скоростной тачке или даже сидеть дома и ногти красить, а она прозябает в «Мечте». Но достаточно толкнуть дверь, что-

бы звякнул этот колокольчик, – и перед тобой вспыхнет лучезарная улыбка, словно кто-то рывком расстегнул молнию. Или словно сам Господь Бог взял в руки эту физиономию и вывернул наизнанку. Перед тобой вдруг нарисуетя сияющая королева красоты, уж такая приветливая, такая внимательная, такая счастливая. Нефигово, да?

Торможу перед «Сливочной мечтой»; у окошка сегодня ждут целых три девахи. Две пухлые, неказистые – за Мечтой явились. Вроде где-то я их уже видел. А третья – незнакомка. Стоит над рамой мужского велосипеда, не шелохнется, что-то разглядывает. От этой, третьей, не оторваться.

Брюнетка, волосы густые, пышные. Закрывают плечи. А ноги-то, ноги... Обалдеть. Смотрю на нее с водительского места – и глазам своим не верю. Инопланетянка.

Паркуюсь, выключаю двигатель, гашу фары, опускаю окно – все как в замедленной съемке. Дыхание перехватывает. Может, у меня глюки? Озираюсь, чтобы проверить: неужели это все наяву, в реале? Пикап вроде мой. Руки – мои. В окне младшая сестренка моя, драит аппарат для горячего шоколада. Да, все в реале.

Две девчонки заходят, чтобы сделать заказ, а та, на которую я запал, не двигается с места. Колокольчик то ли звякает, то ли пинькает, то ли дзинькает, и одна девочка придерживает дверь – думает, что велосипедистка тоже зайдет. А та что-то разглядывает на грязно-белой оштукатуренной стенке и отмахивается: спасибо, мол, не надо.

Ну, Гилберт, давай, время пошло.

Спохватываюсь, что от меня пивом шмонит, откапываю в бардачке «Базуку» и торопливо жую. Медленно закрываю дверцу пикапа; сердце колотится, стреляет кровавыми пулями. Еще минуту назад спокоен был, как коматозник, а теперь в считанные мгновения ожил, что, конечно, радует. И пугает.

Разглядывает она каких-то мошек или, скорее, паука. Я приближаюсь, хочу понять, что она там узрела, но на нее стараюсь не смотреть. Подобрался совсем близко, уже вдыхаю запах ее волос, вижу, какая у нее линия носа, какой формы губы-подушечки. Круглые черные очки. Кожа кремовая, идеальная.

Я увидел божество – это она и есть.

Нужно срочно придумать, как начать разговор. Останавливаюсь прямо у нее за спиной и слышу:

– Богомол. Самец подкрадывается к самке. Жаждет совокупления. Но если потеряет бдительность, она обернется и откусит ему голову. Инстинкт не даст ему остановиться. А когда он сделает свое дело, самка сожрет и остальное. Так у богомоллов происходит спаривание. Интересно, правда? Меня зовут Бекки. – Оборачивается и, сдвинув очки вниз, смотрит на меня.

– Э... – Больше ничего выдать не могу.

– Я из Энн-Арбора приехала. Бабушку проведать – других причин нет. Бабушка совсем старенькая, волосы голубые, осталось ей недолго. Закурим?

– Нет, спасибо. Я бросаю.

– Так-так. И с какой стати?

– Кожа портится. Зубы портятся.

– Если ты так считаешь, наверное, так оно и есть. – Она сжимает сигарету идеальными губками. – А меня курение бодрит. Помогает пробиться. Через всякое дерьмо, понимаешь?

Я киваю, поскольку готов согласиться со всем, что она скажет. Она закуривает – точь-в-точь как на рекламе в глянцево-м журнале.

– Я тебе понравилась, да?

– Да.

– По-твоему, я красивая.

Хочу сдержаться, чтобы больше не кивать, но ничего не выходит.

– До поры до времени – пожалуй, но когда-нибудь у меня будут голубые волосы, пластмассовые зубы, кожа в бурых пятнах и, возможно, только одна грудь. Если тебе не чужды такие мысли, можно обсудить наши дальнейшие планы. Но если ты падок на внешний лоск, на смазливость, то, вероятно, придется мне развернуться, откусить тебе голову, а потом сожрать всего целиком.

Меня разбирает смех, а почему – сам не знаю. У этой Бекки ни тени улыбки. Она заходит в кафешку, и, когда звякает или брякает этот клятый колокольчик, я прислоняюсь спиной к штукатурке «Сливочной мечты». А сам думаю: с чего

это у меня дыхание сперло?

И в этот миг слышу какой-то легкий треск, хрумканье, что ли. Озираюсь и вижу: богомолиха поймала самца и тот уже без головы. Самка знай себе жует, а этот корчится; припустил я к своему пикапу – и с концами. Девчонка-то рассчитывала, что я за ней увяжусь. Думаю, я ей все сказал.

Выезжаю с парковки, а Эллен прижалась к окну, где заказы выдают. Боже, про Эллен-то я совсем забыл. Надо разворачиваться.

Господи прости...

– А кто та третья девчонка, за ними вошла?..

– Не понимаю, о ком ты.

– Она... она... да ладно тебе! Ты ж ее видела! – (Эллен без спросу включает радио и требует, чтобы я прибавил газу.) – Глаза у нее. Глазищи такие. Темно-карие. И волосы... и нос... чуть вздернутый...

– Как была одета?

– Нашла кого спросить. Я в моде не разбираюсь.

– Тогда ничем помочь не могу.

– Да ты ж ее обслуживала! Она...

Эллен прорезает сумеречный воздух своим фирменным визгливым хохотком. Смотрю, заблокирована ее дверца или нет. Не заблокирована, и у меня возникает сильное желание протянуть руку, распахнуть дверцу и вытолкнуть сестренку на асфальт.

Но вместо этого говорю:

– Я тебе обязан по гроб жизни, Эллен.

– Оно и понятно, милый братик, а тебе огромное спасибо за сегодняшнее утро.

– Не стоит благодарности.

А чем я подпортил ей это утро? Такое впечатление, что оно уже где-то далеко, году этак в тыща девятьсот восемьдесят третьем.

– Сегодня погодка была как специально для загара, – продолжает Эллен, закрыв глаза. – Спасибо, что испоганил мне утро...

Тьфу ты. Шезлонг.

– Всегда пожалуйста, мы ведь не чужие.

У нее в голосе появляются томные, чуть хриповатые нотки, как будто после секса.

– Никогда не могла понять, что ты против меня имеешь... нет, понятно: ты приходишься мне братом, а потому лишен возможности за мной приударить. Даже поцеловать меня не можешь, а тем более к себе в постель затащить. А может, это как раз и держит тебя в Эндоре?

Отвечать ей на такие выпады – много чести будет.

– Мы все ждем, когда же будет укреплен пол. В конце-то концов, ты единственный мужчина в доме.

– Как это понимать?

– Ремонтom занимаются мужчины.

– Что?

– Женщины занимаются стряпней. Мужчины занимаются ремонтом.

– Ну-ну.

– В Америке так заведено. У мужчин свой удел, у нас, женщин, – свой, а ты, Гилберт, как видно, не у дел в половом вопросе.

Давлю на газ.

– Приехали, Эллен.

Она распахивает пассажирскую дверцу. Вспыхивает верхний свет, и Эллен впервые видит мое обожженное лицо.

– Лишний раз напомнить решил? Давай, давай!

– В смысле?

– Тебе понежиться на солнышке – это пожалуйста. Мне нельзя. Все справедливо. Прекрасно!

Она с топотом исчезает в доме. А я, пожалуй, еще тут посижу.

Из пикапа мне видно, что Эми с мамой смотрят телевизор. Их освещает мерцающий экран, а так в доме темно. Ага, вот наверху, в комнате Эллен, вспыхивает свет. Моя сестрица стягивает через голову фирменную майку «Сливочной мечты». Даже не потрудилась опустить шторы – не иначе как в глубине души рассчитывает, что я буду подглядывать. Не дождется. Вместо этого я изучаю наш дом. Большой, некогда белый. На крыше давно пора заменить дранку, полы просели буквально везде, крыльцо покосилось. И снаружи и внутри облупилась краска. Отец построил этот дом своими руками в год женитьбы на маме, к их бракосочетанию. Неудивительно, что там все рушится.

Когда я уже готов ступить на крыльцо, Эллен поднимает раму и спрашивает, не желаю ли я посмотреть на останки шезлонга.

– Мертвечиной не интересуюсь, – отвечаю я, входя в дом.

– Теперь понятно, почему ты даже сам себе неинтересен. – Эллен думает, что я ее услышал, но она ошибается.

По ТВ началась рекламная пауза, но Эми с мамой хлебом не корми – дай посмотреть рекламу. Возвращаюсь в кухню, сам не знаю зачем; остается только быстро взбежать наверх и юркнуть к себе в комнату, не столкнувшись ни с кем из домашних. Но под лестницей, в чулане для верхней одежды, замечаю спящего Арни с шоколадной обводкой губ. Не хочется его будить; приноравливаюсь так и этак, чтобы поднять. Наш бутуз потихоньку толстеет и своей массой грозит содрать мне обгоревшую кожу рук.

Теперь наверх.

Ногой распахиваю дверь к нему в спальню. У него двухъярусная койка, причем спит он на верхнем ярусе: считает, что где-то там находится рай. Было время – мы с ним жили в одной комнате. Но я при первой же возможности, когда нас покинул один из Грейпов, организовал для себя отдельный угол. Комната Арни завалена игрушками. До кровати надо пробираться по узкой, извилистой тропе. По утрам Эми аккуратно заправляет ему постель.

Опускаю его на нижнюю койку, с верхней откидываю одеяло, стягиваю с Арни тапки, стягиваю носки, беру его на руки – и слышу хихиканье. Притворяюсь глухим – так ему интересней. Но он говорит:

– А я не спал. Я тебя обхитрил! – (Поправляю одеяло.) – Обхитрил! – не унимается Арни.

Без единого слова выключаю свет. Спускаюсь, чтобы только пожелать нашим спокойной ночи. Эллен сидит в кухне

и пластмассовой ложечкой размешивает йогурт. Даже сама брезгует есть из посуды, которую изредка якобы моет.

Перехожу в гостиную: Эми щелкает пультом, переключаясь с пятого канала на восьмой. Мама бормочет:

– ...дожить до восемнадцатилетия моего мальчика.

Неужели я...

– Что ты, что ты, мама, – встречает Эми.

– Позволь мне закончить.

– Извини.

Мама умолкает, изо рта вываливается здоровенный язык, будто кит, который выныривает из воды глотнуть воздуха, – по каналу «Нэшнл джиогрэфик» показывали.

– Ну вот, забыла, что хотела сказать. – Она замечает меня, глаза на миг вылезают из орбит, голова откидывается назад, потом лицо смягчается. – Господи Иисусе!

– Что такое?

– Гилберт, боже мой! На какой-то миг...

– Да что стряслось? – удивляется Эми, выключая звук.

– На какой-то миг мне показалось, что вошел Альберт. Я чуть не окликнула: «Альберт!» Еле удержалась.

– Ничего страшного, мама, – говорит Эми. – Гилберт и в самом деле немного похож на папу.

– Немного? Да он – отцовская копия.

Напрасно я спустился пожелать всем спокойной ночи. Что меня дернуло?

Мама, вытянув губы, сует в рот очередную сигарету. Ее

толстые пальцы жаждут чиркнуть спичкой. Спичка никак не зажигается, мама берет вторую. Эми тянется своими толстыми пальцами от дня к дню руками, чтобы помочь, но мама крепко стискивает кулак, выпаливает крякающий смешок и топает обеими ногами по полу. Стол дребезжит, со стены падает какая-то репродукция.

– Прекрати топать! – Я срываюсь на крик.

Мама замирает. Потом вытаскивает изо рта незажженную сигарету и достает из пачки новую, уничтожив меня взглядом:

– Это мой дом, Гилберт.

Я киваю.

– По крайней мере, таково мое мнение. Эми? Это мой дом?

– Конечно, мама.

– Эллен? Поди-ка сюда, солнышко.

На пороге возникает Эллен со своим йогуртом:

– Да?

– Это ведь мамин дом, разве нет?

– Это *наш* дом.

– Но я же мать, верно? – (Обе кивают.) – Эми... Эллен... девочки... ответьте: я имею право топтать ногами в *своем собственном* доме? – Сигарета у мамы во рту дергается вверх-вниз. – Подтвердите, что в *своем* доме я имею право делать все, что заблагорассудится. И по какой причине? Почему вы считаете, что я имею право делать все...

– Потому, что это твой дом, – в один голос перебивают они.

Мама переводит взгляд на меня.

Бубня: «Пардон, пардон», отступаю к лестнице.

– Вот и отец так же говорил. «Пардон». Я поначалу думала, у него среднее имя такое. И куда этот «пардон» его завел?!

Мне хочется взвыть: топай, мама, хоть всю ночь. Провались ты в подпол. Но вместо этого я спокойно говорю «доброй ночи» и через две ступеньки устремляюсь наверх.

Телевизор опять зашумел: передают какое-то ток-шоу, в студии аплодисменты. В зеркале над раковиной изучаю свою физиономию. Обгорелую кожу, почти багровую красноту. Выдавливаю на ладонь колбаску крема и наношу на лицо, чтобы унять жжение. Щеки, нос, подбородок – все скользкое. Аплодисменты в студии нарастают; я раскланиваюсь.

10

Арни в койке, Эллен у себя в комнате крутит пластинки, внизу Эми выкладывает на блюдо богатый ассортимент канапе и птифуров, чтобы маме было чем подкрепиться в ночные часы. Я, опустив стульчак, сижу на толчке в верхнем туалете и разговариваю по телефону.

– Ну что, Такер, что?

– Гилберт, дело – швах.

– Что ты имеешь в виду?

– Пол.

Я теряюсь.

– Все меняется, – продолжает Такер. – По сравнению с прошлым разом, когда я к вам заходил, твоя мать раздалась чуть ли не вдвое.

– Я в курсе.

– Она же габаритами с аэростат, клянусь.

– Я в курсе, Такер. Тебе не приходит в голову, что мне это известно?

Тут вдруг под дверью начинается форменная истерика:

– Гилберт? Гилберт!

Второе пришествие Эллен.

– Открой, пожалуйста! Скорее!

– Ступай вниз.

– В нижнем туалете нет того, что мне нужно!

Даже Такер забеспокоился от ее воплей:

– Кто там орет?

– Да эта засранка, сестра моя.

– А кстати. Ты вообще собираешься организовать мне свидание? Не стоит с этим тянуть.

Такер положил глаз на Эллен, когда ей исполнилось девять лет. Все эти годы, когда мне от него требовалось какое-нибудь одолжение, я сулил, что в скором времени он сможет с ней встретиться.

– Гилберт, пожалуйста, открой. Ты не понимаешь. Это вопрос гигиены! – С лестничной площадки Эллен орет вниз: – Эми! Эми! – Молотит в дверь кулаками, бьет ногами. Как же от нее много шума.

А я такой:

– И эту мымру ты хочешь позвать на свидание? Эту горлопанку? Да от нее шум один и больше ничего.

Он слушает, но распинаюсь я вхолостую.

Ну вот, теперь и Арни завопил. Не лежится ему под одеялом.

– У девушек в моем возрасте! Бывают... кровотечения!

Шарю под раковиной. Нахожу голубую с розовым коробочку, вытаскиваю запечатанный в белую бумагу тампон и не спеша просовываю под дверь. Эллен тут же выхватывает эту штуковину и убегает. А всего-то и требовалось: попросить.

– Так что там насчет пола, Такер? Какие будут предложения?

– Есть у меня одна мыслишка. Только стремная. Боюсь я за твою мать. За ваш дом. За тебя.

– Не забывай: наши возможности не безграничны.

Слышу тук-тук-тук, цап-царап – в дверь скребется Арни.

– Минутку, Такер.

Открываю, впускаю брата в сортир и вновь как следует запираюсь. Арни расплывается в улыбке, как будто его только что приняли в тайное общество.

Я продолжаю:

– Что ты там начал говорить?

– Я разработал единственное, на мой взгляд, решение, – излагает Такер, – которое сможет ее спасти.

– О'кей, супер.

– Завтра поедem за пиломатериалами.

– Отлично.

– Это обойдется недешево.

– Мы тебе заплатим сполна.

– С вас я денег не возьму. А вот материалы обойдутся недешево. Мои услуги прилагаются.

Арни дергает меня за футболку. Я отталкиваю его руку. Он жмет на рычаг слива, и сортир наполняется шумом спускаемой воды. Такер спрашивает:

– Тебя там что, на корпус пробило?

– Нет.

– Бреешь. Можно подумать, я не слышу, как ты воду спустил. Просрался, значит.

– Да я...

– Лучше признайся. Еще не хватало нам с тобой другу врать.

– Но это не...

– Я слышал спуск воды, Гилберт. Такера ван Дейка не проведешь.

– До завтра, Такер. – Вешаю трубку.

Арни похлопывает меня по руке:

– Гилберт? Эй?..

– Что тебе?

– Уснуть не могу.

– Надо, дружище, надо.

– Мне никак.

– Завтра у нас важный день. Будем кататься на лошадаках.

– Много раз, да?

– Ага.

– Хм. А давай прямо сейчас. Прямо сейчас и поедем.

– Сейчас лошадки спят. И тебе того желаю.

– Ну.

– Ты же знаешь: мне на завтра дали выходной.

– Ну.

– А знаешь почему? Потому что мистер Лэмсон решил устроить тебе праздник. Он даже скинется с нами на билеты.

– В честь приезда лошадаков?

– Ага.

Он разворачивается и бредет к себе.

– Спокойной ночи, Арни.

– До свидания.

– *Спокойной ночи, Арни. А не «до свидания».* Спокойной ночи.

– Ну да.

– «До свидания» говорится перед отъездом. – (Ему что в лоб, что по лбу.) – А ты никуда не уезжаешь.

– Ну да.

Плетется по коридору. Провожая глазами его широкие ступни, лохматые волосы. Он громко пукает. Тяжелый дух выветрится не сразу, надо подождать.

На Рождество я, воспользовавшись своим набором для резьбы по дереву, смастерил для него вывеску с надписью: «Жилище Арни». И прибил к двери, чтобы он безошибочно находил свою комнату.

Проверяю: лежит на верхней койке, упираясь ступнями в потолок. Выключаю свет.

– Спокойной ночи, – раздается из темноты.

– Вот это правильно, молодец, дружище. Спокойной ночи.

Времени прошло немало. Но уснуть не могу, потому как Арни ритмично стучит затылком. Если его растолкать и объяснить, что это вредно для здоровья, он покивает, как будто в знак согласия. Но не пройдет и часа, как вы услышите (это я гарантирую) пульсацию, или биение, или стук его башки о раму кровати; тогда вам станет ясно, что любые поучения –

это как об стенку горох. Вот так-то. И вы пожалеете, что еще не умерли. Нет, умирать – это хлопотно. Вы пожалеете, что родились на свет. И тут же не испарились.

У меня в комнате часов нет, и точное время назвать затруднительно. Но сейчас, по всей вероятности, половина ночи уже миновала. От солнечных ожогов у меня пересохли руки и лицо. Кровать мне коротка, ноги свешиваются. Лежу в трусах поверх одеяла. Ночь выдалась жаркая, сухая. В наши дни фермеры очень тревожатся насчет погоды. Дождей не было уже с месяц. Мой босс мистер Лэмсон убежден, что это мы сами сотворили с нашей планетой. Говорит, что всему виной выхлопные газы, кондиционеры воздуха и вырубка тропических лесов.

Мне часто приходит в голову, что наш отец потому наложил на себя руки, что не видел будущего. Хотя говорят, он был большим оптимистом, всех поддерживал, хвалил, ободрял добрым словом. Когда он повесился, мне было семь лет, я почти ничего не запомнил, а что запомнил, то сумел забыть.

По рассказам Эми, он всегда улыбался, даже под вечер самого долгого, самого тяжелого дня.

Когда он повесился в подвале, для нашего городка это стало трагедией такого же масштаба, как гибель президента Кеннеди. Так мне Эми однажды сказала.

За последние две недели как минимум пять человек обратились ко мне «Ал». Я всегда поправляю: дескать, меня

зовут не Аль-берт, а Гил-берт Грейп, но люди верят в то, во что им хочется верить. Таращатся на меня, глазают как на чудо генетики. А мне так и хочется закричать: «Допустим, сходство между нами есть, но я же не перерождаюсь в него».

Все оставшиеся от отца фотографии хранятся в обувной коробке у Эми под кроватью. А обувная коробка забаррикадирована целой библиотекой литературы про Элвиса и всякими сувенирами, связанными с Элвисом. То есть подборка отцовских фотографий скрыта от глаз как жуткая тайна.

Внизу мама переключает каналы. Она любит врубать телевизор на полную громкость, причем в любое время дня и ночи. Кто может, тот приспосабливается, кто не может – пусть терпит.

Спускаю ноги на пол. Ни постеров, ни репродукций у меня нет. Мне по душе голые стены. Выглядываю в окно, проверяю, есть ли в небе Луна, но сегодня она куда-то делась.

Наконец-то я погрузился в дремоту и вижу сон.

Арни ведет меня в ресторан. Я замечаю, что он выше меня ростом и вполне уверен в себе. Говорю ему: «Арни, ты же даун», а он: «Да я поумнее Эйнштейна буду». Расплывается в улыбке, а зубы у него идеально ровные, белоснежные. Спрашиваю: «Что вообще происходит?» – а он говорит: «Гилберт, вот тебе гамбургер. Ешь. Он свежий. Мама его кушала. И до того вкусно было, что она даже заплакала. И все наши точно так же... гляди». Я озираюсь и вижу, что за длинным столом

сидит вся моя родня. Все мне машут, вытирая подбородки от соуса. И все без исключения – в слезах. «Но я, – отнекиваюсь, – совсем не голоден». – «Кушай гамбургер. Тебе полезно» – и не дает мне отдернуть руки. А затем появляется та девушка из «Сливочной мечты», ну эта, Бекки. У нее с собой исполинский гамбургер, она медленно подносит его ко мне, приговаривая: «Как вкусно», и я понимаю: соблазняет. А она такая: «Тебе понравится. Распробуешь – и захочешь, чтобы он никогда не кончался». Шепчу ей: «Я тебе верю». Открываю рот, чтобы откусить. «И что самое замечательное, Гилберт Грейп, – от этого ты заплачешь». – «Нет! – вырывается у меня. – НИ ЗА ЧТООООООО!»

У меня в комнате загорается свет.

– Гилберт?

От света я весь сморщился. Прикрыл глаза ладонью:

– Что такое?

– Ты опять кричал во сне, – сообщает Эми.

– Это правда?

– Чистая правда.

– Ха. Смешно.

– Как ты себя чувствуешь?

– Я хорошо себя чувствую.

Она выключает свет и говорит:

– Наверное, тебе приснился страшный сон.

– Что-что?

– Страшный сон. Тебе приснился страшный сон.

– Вот оно как, – говорю. – В самом деле?

Часть вторая

11

Лошадка из года в год одна и та же. Здоровенная, белая. Арни прокатился на ней двадцать один раз подряд и уже пошел на двадцать второй заход.

Карусельщик, скользя между лошадками, пересекает свой аттракцион и спускается ко мне:

– Там друг твой на лошади...

– Ты хочешь сказать, мой брат.

– Ну да... Брат твой, ну... должен это... освободить место. Чтоб другие тоже могли прокатиться. Ты пойми, приятель, белая лошадь у нас самая, это, востребованная.

Смотрю вокруг:

– Возможно; только я почему-то не вижу, чтобы сюда очереди выстраивались.

– А я этого и не утверждаю.

Смотрю на него – одет кое-как, зубы выщерблены, весь в татуировках – и задаюсь вопросом: что он вообще может утверждать?

– Тогда какие ко мне вопросы?

– Я к чему веду: другим, это... нужно хотя бы возможность такую дать. Чтоб шансы у каждого были.

Откуда ни возьмись нарисовался Такер с большим розовым облаком сахарной ваты.

– Гилберт, я тут предложение получил – подхалтурить на водной ловушке. – Отрывает клоч сахарной ваты и протягивает мне.

– Спасибо, не хочу.

– А у меня аккурат сегодня плавки под джинсами. Как по заказу, прикинь? И еще знаешь что? В этом году там микрофон есть, чтобы над людишками прикалываться. Аттракцион такой: кидаешь бейсбольный мяч, и если попадешь в красный диск на стенде, Такер провалится в бак с водой. На, держи. – Насильно всучив мне сахарную вату, он чуть ли не вприпрыжку бежит в сторону своего бака.

А я поворачиваюсь к карусельщику и продолжаю:

– Мой брат без памяти полюбил эту белую лошадь.

– Но по правилам...

– Весь год он дожидался этого дня. По большому счету ничего другого ему ждать не приходится.

Арни ездит по кругу, строчит из воображаемого пулемета и выкрикивает:

– Ты убит, Гилберт. Ты убит!

– Приглядишься к нему, – говорю; карусельщик приглядывается. – Голова у него необычной формы, тебе видно? – (Он кивает.) – Мой брат был... ну... таким же смышленным, как ты... таким же сообразительным, вплоть до минувшего лета, когда его сбросила лошадь... и несколько раз лягнула копы-

том в голову... причем *белая* лошадь... и с тех пор у него... мм... деформирована голова. То, что мой брат катается на твоей карусели, – это его победа над собственным страхом. И ты, сам того не подозревая, сделал ему огромный подарок. Ты подарил ему волю к жизни. Желание восстановиться. Идти дальше.

Протягиваю этому парняге сахарную вату, но он мотает головой – как видно, понял, что она ему в горло не ползет.

– Но сейчас мы сгоним его с этой лошадки, дабы восстановить справедливость по отношению к детишкам... которые вот-вот сюда потянутся. По отношению к ним иное было бы несправедливо, но разве сама жизнь справедлива? Как только аттракцион остановится, я уведу отсюда своего брата. Не волнуйся.

– Ох ты, как же так, – теряется карусельщик. – Нет, не делай этого. Как же так. Господи, да его бесплатно катать надо.

– Но это будет несправедливо...

– Справедливо, несправедливо – забей, – говорит он. – Понимаешь меня? Этот парень, братишка твой... ох ты боже мой. Пусть бесплатно катается. Я так решил. И только на белой лошади. Сколько захочет. – Парняга утирает глаза и берет себя в руки.

Мы смотрим, как Арни заходит на следующий круг и дубасит лошадку, чтобы скакала быстрее.

– Позволь представиться: Гилберт Грейп, а это, – гово-

рю, – мой брат Арни.

– А меня зовут Лесли, – говорит карусельщик и собирается идти в будку – дергать за рычаг, чтобы остановить аттракцион.

– Вот, держи, – протягиваю ему сахарную вату.

– Нет, нам не положено, – отказывается Лесли.

– Очень прошу. Не обижай меня.

Взял.

Через семь бесплатных заездов подхожу к Арни:

– Эй, братишка, ты, как я посмотрю, умаялся тут круги нарезать.

– Не-а.

– Даже у меня голова кружится на тебя смотреть. Пора дух перевести, согласен?

– Не-а.

– Пойдем с тобой полетаем. В воздух поднимемся.

– Не-а.

Пытаюсь сдернуть его с лошади, но он вцепился – и ни в какую. Лесли некоторое время за нами понаблюдал и спрашивает:

– В чем, собственно, загвоздка?

– Мне, – говорю, – нужно передохнуть от этого мельтешения. Нужно в воздух подняться. Воспарить над землей. Понимаешь меня?

– Еще как.

– Вот в этом, собственно, и загвоздка.

– Слышь, есть у меня одна идея! – выкрикивает Лесли, проверяя билет у какого-то мальчонки. – Я за ним пригляжу. Он со мной не пропадет.

Поднимаю вверх два больших пальца и спускаюсь с карусельного помоста – как раз начинается новый заезд. Моего ухода наш debil не замечает. Глоток свободы, говорю я себе.

Пробираюсь среди аттракционов: тут и «Ракушки», и «Спрут», и всякие подвижные игры, и шатер для бинго. Кругом почти сплошь знакомые лица. Мне говорят «Привет», я отвечаю «Привет». А вот и бак-ловушка, где нынче Такер подхалтурить решил – цепляет прохожих. Пока еще в сухой одежде сидит, но не потому, что мяч бросают одни мазилы, а потому, что никто возле него не задерживается. При виде меня он заводит: «ГИЛЛЛЛБЕЕЕРРТ ГРРР...» – но я ускоряюсь – только меня и видели.

Подхожу к будочке кассы, отсчитываю ровно семьдесят пять центов за билет. Разворачиваюсь – и вижу пышный начес, который полностью загораживает мне обзор. Скольжу глазами вниз. Бородавка со вчерашнего дня увеличилась; говорю:

– Здравствуйте, Мелани.

– Ты меня избегаешь, да?

– Нет, что вы. Как можно?

– Ты смотрел на меня с карусели.

– Разве?

– Да-да. Я тебе помахала – неужели ты не видел? Как я жестами звала тебя спуститься?

Я, очевидно, принял ее голову за облако сахарной ваты.

– Нет, я не заметил.

– Ну не знаю, ты смотрел на меня в упор. Как я вижу, на солнышке успел поджариться. Совестно, небось, что вчера не явился в приемные часы?

– А почему мне должно быть совестно?

– Как почему?! Пропустить назначенную встречу – это детский сад и хамство. Не перезвонил. Даже не извинился.

– Извините, пожалуйста.

– Я тут ни при чем. Ты не со мной договаривался.

Со вздохом хватаюсь за голову. У меня сейчас одно желание – прокатиться на колесе обозрения. Пусть какая-нибудь сила – любая – унесет меня вверх. Чтобы я воспарил.

– Ты собираешься перезаписаться на прием? Гилберт?

– Да. Прямо на завтра.

– Завтра ближе к вечеру он поедет забирать сыновей из церковного лагеря. День будет суматошный. Человек он невероятно занятой. Но ты подходи как договаривались – к четырнадцати часам. При первой же возможности он займется твоим делом.

– Отлично, здорово, да, уже готовлюсь.

– Не забудь.

Мелани проводит одним указательным пальцем по другому, словно грозит мне карой, но тут же сверкает улыбкой

– дескать, ладно, прощаю – и, покачивая бедрами, удаляется: дизайнерские джинсы слишком узкие, высоченный начес жутко яркий.

– Вот мой билет.

Лысый оператор с гитлеровскими усиками делает мне знак садиться, проверяет, защелкнута ли поперечная перекладина, жмет на рычаг от себя – и я взмываю вверх. При каждом спуске меня по самое некуда пробирает – вжух! – знакомое ощущение, похожее на щекотку. От этого в голову лезут всякие вредные мысли. Ниже пояса.

Описывая круги, замуриваюсь. Рисую себе дальние края, где никто не знает меня по имени.

Мне предстоит воспарить с закрытыми глазами еще десять-пятнадцать раз. Зависая в наивысшей точке, разлепляю веки и вглядываюсь в даль. Солнце уже закатилось. Темнота расцвечена огнями аттракционов. Отсюда, с высоты, вижу наш понурый дом, бывшую мою школу и «Сливочную мечту». За тридевять земель светятся фонари на парковке «Фудленда». Скосив глаза в сторону и вниз, вижу: какого-то малыша вместе с мамой выгружают из кабинки. Оператор бежит с ведром, чтобы окатить сиденье водой. Не то ребенка, не то мамашу во время катания стошнило. Я нервно осматриваюсь – нет ли рядом следов рвотных масс, но, к счастью, в моей кабине, или корзине, или как там ее... безупречная чистота – ну, насколько такие аттракционы вообще могут быть

чистыми. Пока я здесь вроде как в заточении, продолжаю обзор местности. Замечаю, что тент над каруселью прохудился. Надо будет указать на это Лесли. Над баком-ловушкой восседает Такер, по-прежнему сухой, и желающих поупражняться в меткости не находится. Очередь, как всегда, выстроилась только к «ракушкам». Малышня бегает с воздушными шарами, бросает мяч в баскетбольное кольцо или зависает у игровых автоматов типа «хватайка».

Гляжу, как отмывают заблеванную кабинку, и замечаю внизу велосипед, причем мужской, а на нем – некую девушку. Она в белой тенниске и синих джинсах, черные волосы развеваются, аки конская грива. Колесо обозрения с внезапным толчком останавливается для посадки нового пассажира. Провожая глазами велосипедистку: та объезжает игровые аттракционы и детский картинг. Поравнявшись с оператором, говорю: «Я уже готов сойти», а он отмахивается, будто ему комплимент отпустили. Девушка устремляется в сторону «Спрута», минует «Серебряный твистер», палатку, где продают попкорн, и батутный комплекс. «Выпустите меня! – кричу. – Выпустите!» Стараюсь хранить беспечный вид, но все напрасно. Оператор чешет кончик носа и поплевывает.

Я сейчас в нижней точке, начинается очередной подъем. Велосипедистка жмет на педали, приближаясь к моему колесу обозрения. Останавливается, внимательно смотрит. Я продумываю, каким жестом обозначу на спуске свое присутствие, но ее уже как ветром сдуло.

Исчезла.

Выпускают меня где-то минут через пять.

Благодарю оператора за «великолепное» катание и одними губами добавляю: «Говнюк». Девушка из Мичигана уехала из луна-парка, нутром чую. Но на всякий случай проверить не мешает. Никаких признаков. Даже следов от шин не осталось.

– Спасибо, что присмотрел за моим братишкой, – говорю, а сам указываю на прореху в брезенте; Лесли кивает – мол, знаю, знаю. – О'кей, Арни, лошадке нужен отдых.

– Нет, моя лошадка не устала...

– Арни!

– Нет... нет!

– Скажи «спокойной ночи».

Обняв лошадь за шею, Арни принимается ее обцеловывать.

– Прекрати, Арни!

Хватаю его за руку и тащу вниз с помоста.

Купив ему каких-то тянучек, идем к выходу, и вдруг из репродуктора доносится:

– А ВОТ И ГИЛБЕРТ ГРЕЙП, ОН ЖЕ ГИБЛЫЙ ГРИБ!

Это Такер; никто его до сих пор не искупал в баке. Метров с пятидесяти показываю ему «фак».

– ДА ТЫ КРУТ, ГИБЛЫЙ ГРИБ! ТЫ РЕАЛЬНО КРУТ!

Арни заметался – не понимает, откуда доносится этот рев,

прохожие на меня глазеют, а я на тот случай, если из укрытия за мной наблюдает красотка Бекки, вразвалочку направляюсь к Такеру. На буксире у меня Арни.

– К НАМ ИДЕТ МИСТЕР КРУТ! ОЙ-ОЙ-ОЙ, ВСЕ СО СТРАХУ МРУТ!

На доллар дают три мяча; протягиваю в кассу пятерку, это на пятнадцать бросков. Первые шесть – мимо. Собирается толпа. Той девушки пока не видно. Такер тараторит без умолку, изгаляется на все лады. Седьмой мяч запускаю прицельно в него. Такера окружает защитная металлическая сетка, но приятно уже то, что он шугается. Толпа раззадорилась и поделилась на два лагеря: одни требуют устроить Такеру купание в резервуаре, другие заступаются. Мячи с восьмого по одиннадцатый вообще летят черт-те куда. Двенадцатый попадает точно в цель, но Такер почему-то не проваливается в бак.

– ЭХ ТЫ, ХИЛЯТИК-ВОЛОСАТИК, СОВСЕМ, ВИДАТЬ, ЗАРЖАВЕЛ!

Дальше сносить такие унижения просто нельзя. Все кругом хохочут, а на меня вдруг накатила злость. Такер уже обгадил и мою фамилию вместе с именем, и длинные волосы, и проржавевший пикап. В других обстоятельствах можно было бы наплевать, но не при таком раскладе, не сегодня, не сейчас. Тринадцатый мяч выскальзывает у меня из пальцев. Наклоняюсь, чтобы его подобрать, но тут Арни ныряет под заграждение и мчится прямиком к стенду. Такер это видит,

но даже не успевает привстать: Арни бьет кулаком по красному диску, срабатывает пружинный механизм, днище под сиденьем из тракторной шины проваливается, и Такер плюхается в воду. Народ гогочет.

Арни Грейп на свой манер вышел победителем.

В награду мой умственно отсталый брат получает от меня молочный коктейль в «Сливочной мечте». Едем домой. Он сразу заваливается спать – лошадки его укатали. Я лежу в постели неудовлетворенный, как будто получил отлуп, и думаю о той девушке из Мичигана. Картинка складывается идеально. А покамест обслужил себя сам и воспользовался старым носком, чтобы не оставлять следов.

С утра я на работе; описываю, как Арни провел время в луна-парке. Мистер Лэмсон хохочет до слез.

– Братишка твой – до чего же... славный ребенок, – заключает он.

Когда я подметаю проход номер четыре, из-за угла появляется миссис Бетти Карвер с коробкой тростникового сахара:

– Гилберт?

– Да, миссис Карвер, я знаю, миссис Карвер. Уже переписался на сегодня, на четырнадцать часов!

Стараюсь говорить погромче: мистер Лэмсон, как пить дать, прислушивается. С недоуменным видом он подходит вслед за ней.

– Я не явился в назначенное время... виноват... сегодня исправлюсь. Мне очень стыдно, миссис Карвер!

Она сует мне под нос коробку сахара:

– Сколько?

– Что-что?

– На упаковке ценника нет. Сколько стоит?

– А, понял.

Мистер Лэмсон тут как тут:

– Не иначе как отклеился: Гилберт не имеет привычки пропускать товар.

– Я пришла не скандалить и не порицать, – цедит она. – Я пришла за сахаром, вот и все.

Мистер Лэмсон забирает у покупательницы сахар и сопровождает ее до кассы, чтобы при ней уточнить цену. В дверях она оглядывается в мою сторону, но я отрицательно качаю головой.

– Не сомневайтесь, босс, в обед я все улажу.

– Конечно, сынок.

– В среду я оплошал, сэр, и теперь все идет наперекосяк.

– Такая жизнь.

Выхожу на обед. Часы на фасаде Эндорского сберегательно-кредитного банка, мигая, показывают время: 13:55, затем температуру: 36 градусов, затем уже 13:56. На подъезде к страховой компании вижу авто мистера Карвера. Но не останавливаюсь, а еду дальше – сперва по Элм-стрит, а там еще пару миль до южной границы города. У Гончарного моста сворачиваю налево, у почтового ящика с табличкой – направо, и все это в рекордное время. Оказываюсь на подъездной дорожке, ведущей к двухэтажному фермерскому дому с зелеными ставнями. Кирпичный гараж разевает свою пасть, готовясь проглотить и меня, и мой пикап. Заезжаю внутрь. Пальцами (за неимением расчески) кое-как приглаживаю волосы. Она следит за мной с бокового крыльца: симпатяшка, в руках держит пульт от гаражных дверей. Нажимает на кнопку, и дверь начинает опускаться. Еле успеваю выползти на

карачках.

– Да все у тебя в порядке с волосами, – говорит она, разворачиваясь перед входом.

Я улыбаюсь, а в голове крутится: «Опять двадцать пять». Шмыгаем через порог. Все эти предосторожности сейчас кажутся нелепыми, но давнею порой, когда все начиналось, только так и можно было. Я думал, что с переездом Карверов в загородный дом нужда в такой строгой секретности отпадет. Но миссис Бетти Карвер уважает традиции, а у нас, к сожалению, традиция сложилась именно такая.

Одета она по-домашнему. Прическа – будто специально взлохмачена. На губах ярко-красная помада. Благоухает дорогим мылом, зубки блестящие, ослепительно-белые. Имя, которое она носит, ни разу ей не подходит. Ну, она не виновата, что родилась в ту пору, когда девочек называли Вандами, Дотти и Бетти. Ей бы подошло Ванесса или Паулина.

– У вас, – говорю, – на пальцах тесто и не только.

– Я печенье поставила.

Внимательно разглядев руки, она вытирает их цветастым полотенцем. Достает таймер, устанавливает на восемнадцать минут.

– Неужели печенье должно так долго стоять?

– Стоять должно не печенье. Ты это прекрасно знаешь.

– Знаю, знаю. Но восемнадцать минут – как-то нестандартно, вы не находите?

– Мне нравятся нестандартные отрезки времени.

Миссис Бетти Карвер распалилась, как никогда. У нас с ней давненько не было... мм... как бы это сказать... того, чем мы собираемся здесь заняться.

– Какое вы печете?

– Овсяное.

– Так-так, – говорю.

Понятно, зачем она в среду брала овсянку «Квакер», а сегодня утром – коричневый сахар.

– Я сегодня показала себя хорошей актрисулькой, правда? И в среду не хуже. Убедительно сыграла. Они ничего не заподозрили. Да и кто бы нас заподозрил? Никто.

Напоминаю ей, что приглашать надо заранее.

– Договоренность была на среду. В среду я тебя и ждала. Таймер тикает.

Начинаю говорить: «Ну хорошо, сейчас-то я здесь, правда же?» – но Бетти, по которой никогда не скажешь, что зовут ее Бетти Карвер, что она приходится женой единственному оставшемуся в Эндоре страховщику и матерью двум паршивцам, Тодду и Дагу, зажимает мне рот уже чистыми, пахнущими мылом ладонями. Беседы в наши планы не входят.

Она указывает на листок бумаги, лежащий на столешнице. Пока я набираю записанный номер, она отщелкивает заколку-пряжку, чтобы распустить волосы. Расстегивает блузу. Сбрасывает. Задирает на мне футболку и чмокает в грудь, оставляя красный отпечаток, похожий на шрам.

– Мне нужно сделать один звонок, – напоминаю ей в на-

дежде, что она хотя бы даст мне завершить дело.

Расстегивает на мне джинсы. Целует в живот; язык скользит ниже. Не иначе как я ошибся номером. Разъединяюсь; она хихикает. Набираю заново; тут она спускает с меня трусы.

– Сигнал, – говорю, – пошел.

Но остановить миссис Бетти Карвер не так-то просто.

Она берет меня в руку. Потом в рот.

– Страховая компания «Карвер», добрый день.

– Мелани, да... ох... это Гилберт Грейп... ровно на два часа, помню... Я слегка опаздываю... меня тут задержали...

У миссис Бетти Карвер губы двигаются мягко и медленно.

– Так я и знала, Гилберт. – Мелани исходит желчью, я прямо слышу. – Ну, когда прикажешь мистеру Карверу тебя ожидать?

– Скоро, уже совсем скоро.

– А точнее? У нас жесткий график. Назови точное время.

Ты меня сильно разочаровал.

– Не только вас.

А миссис Бетти Карвер уже ходит ходуном – вверх-вниз, вверх-вниз; волосы облепили все лицо.

Мелани наседает:

– Повторяется та же история, что была в среду? Это у тебя в привычку вошло? Имей в виду: после обеда мистер Карвер будет занят семейными делами. Ну?

У меня вырывается: «О мой бог...» – миссис Бетти Карвер знает свое дело.

– При чем тут Бог, Гилберт? Бог за тебя решать не будет, решай сам. Я жду.

– Сейчас трудно сказать, когда меня отпустят.

– Прекрати, Гилберт!

– Ну ладно, ладно. Через восемнадцать минут!

– Так-то лучше, Гилберт. Значит, будем тебя поджидать ровно в четырнадцать часов двадцать четыре минуты.

Миссис Бетти Карвер старается изо всех сил – даже причмокивает. Наверняка вся помада перешла на меня. Опускаю свободную руку на женскую макушку и воображаю, будто меня ласкает ротик той девушки. Бекки, что из города Энн-Арбор, штат Мичиган, а Мелани все жужжит насчет моих обязанностей, и я уже собираюсь повесить трубку, но тут в меня впиваются зубы миссис Бетти Карвер – я уж подумал, отчекрыжили кусок.

– Ай! – вскрикиваю.

Мелани беспокоится:

– Что-то случилось?

– Нет, ничего особенного.

– Это домашние неурядицы?

– Что «это»?

– Тебя задержали домашние неурядицы? Дома все нормально?

Миссис Бетти Карвер вынимает меня изо рта и проверяет,

не нанесла ли мне телесных повреждений. Шепотом успокаивает: «Крови нет, порядок» – и пристраивает меня на прежнее место.

– Мелани, все путем. Просто я занят.

– Слушай, мистеру Карверу будет приятно, если я сообщу ему причину опоздания. Для него всегда важна причина.

– Скажите, что не рассчитал.

Вешаю трубку. Миссис Бетти Карвер, виновато глядя снизу вверх, говорит:

– Я буду нежной.

И по новой.

– Остановитесь, пожалуйста.

– Иногда не сразу получается, вот и все.

– Хватит.

– Это из-за меня? Скажи, что я делаю не так. Говори!

– Вы ни при чем.

– Дай мне еще немного времени – сам увидишь.

И, поплевав на ладонь – для увлажнения, – готовится ко второму заходу, но я твердо говорю:

– Хорош!

Опустив руки, она так и остается стоять на коленях. Я опускаюсь рядом, чтобы убрать прилипшие к ее лицу волосы. От помады не осталось и следа.

– Вы ни при чем, – повторяю я.

Таймер показывает: осталось восемь минут. Она оседает на пол. Надо понимать, на сегодня все. Наклоняюсь поцело-

вать ее в лобик. Она ждет объятий, но мне тяжело собраться с силами, когда все мысли занимает другая. Миссис Карвер шепчет:

– Тебе со мной хорошо?

Я пожимаю плечами: ну да, типа того.

В оставшиеся восемь минут мы неловко обжимаемся, и со звонком таймера у нее брызгают слезы.

– Мне пора.

– Я понимаю.

– Не надо плакать.

– Не буду.

– Скоро приедет ваш супруг.

– Я успокоюсь.

Провожая меня, она шепчет:

– Надеюсь, тебе со мной хорошо. Мечтаю кого-нибудь сделать счастливым. Хотя бы один раз. Подарить кому-нибудь счастье хотя бы один раз.

Хлопает затянутаая сеткой дверь. Миссис Бетти Карвер старательно машет мне вслед.

Вот интересно: когда мне стукнет восемьдесят, смогу ли я думать о ней с нежностью? А что, всякое бывает. Не ровен час, я даже решу, что это были едва ли не лучшие эпизоды моей жизни. Не ровен час, мне даже захочется вернуть эти дни.

– Гилберт, ты ли это? Уж не чаял увидеть твою персону.

Исходя желчью, мистер Карвер жестом призывает меня к себе в кабинет и там делает знак садиться в любое из двух кожаных кресел, развернутых к его столу. Так активно жестикулирует, что можно заподозрить в нем отставного регулировщика уличного движения.

Я говорю:

– Ваши руки творят чудеса, мистер Карвер.

– Ты так считаешь?

– Точно вам говорю, сэр.

– Вообще говоря, человеческая рука меня восхищает. Не знаю более совершенного творения.

Он вытягивает перед собой руки и шевелит пальцами, растопырив их во все стороны. Любуясь этим творением, он фыркает и похохатывает.

– Когда мы с Бетти, еще бездетные – тебе это должно быть особенно интересно, – жили в Буне, там был один малыш-вундеркинд. Лет восьми или девяти. Не то китаец, не то японец – короче, из тех, которые бесподобно играют на рояле. Настоящий гений, причем сын *белых* родителей. *Приемный*. И родители застраховали его ручонки на *полмиллиона долларов*. Представляешь?

Уставился на меня в ожидании отклика, а мне одного хо-

чется – попросить у него прощения.

– Блистательный пример возможностей человеческой руки, ты не находишь? Чего только люди не страхуют. И это доказывает, как важно защищать все уникальное! Видит Бог, я чувствую, что нужен людям. А тебе не хотелось бы оказаться нужным, Гилберт? На первых порах я мог бы тебе подсобить. Ты не рассматривал для себя возможность построить карьеру в страховом бизнесе? Неужели так и будешь до скончания века мешки с бакалеей подносить?

– Э... – Больше ничего выдавить не могу.

– Дело стоящее. У меня, к примеру, дом, дети. У нас двое. Причем двое мальчишек. Сейчас батут покупаем. Заезжай, ты непременно должен его опробовать. Доставку заказали к Четвертому июля. Сыновья хотели бассейн, но бассейн мне сейчас не потянуть, а батут – в самый раз. Будь я врачом – тогда другое дело, это понятно... доктору Гарви бассейн соорудить – как нечего делать. А у нашего дома и батут неплохо будет смотреться.

Мистер Карвер нудит про этот новый батут, который застраховать куда проще, чем бассейн, и про всякую всячину, какая только посещает его необъятный, кавернозный ум, а я только глаза тарашу. Неужели моя судьба – таким же стать?

У него над столом в коричневой деревянной рамке висит недавнее семейное фото Карверов. Каждый год Эндорский сберегательно-кредитный банк предлагает своим клиентам такой подарок на Рождество: семейный портрет. Мы этой

услугой много лет не пользовались, главным образом из-за того, что мама в кадр не войдет, а еще потому, что семья, как мы считаем, – это вообще не наша история.

На фотопортрете мистер Карвер сидит, оскалив зубы, между двумя сыновьями. Мальчишки натужно улыбаются. Позади этой троицы стоит миссис Бетти Карвер – с отсутствующим видом и тоской во взгляде.

Меня так и тянет схватить его за ворот и спросить: «Ты когда-нибудь жене своей в глаза смотришь, паразит?» – но я сдерживаюсь. А он бубнит и бубнит. Но его на полуслове прерывает телефонный звонок. Со словами «Минутку, Гилберт» он откидывается на спинку кресла и закрывает глаза. Ждет, чтобы Мелани взяла трубку в приемной. Должно быть, телефон звонит так редко, что мистер Карвер невольно смакует предстоящий разговор.

В дверь тихонько барабанят накладные ногти Мелани.

– Мистер Карвер?

– Я беседую с Гилбертом. Вы что, не знаете?

– Знаю, сэр.

– Надеюсь, у вас неотложный вопрос.

– На проводе ваша жена.

– Скажите ей, что я на совещании...

– У нее, похоже, что-то важное.

– Ну, так и быть. Так и быть. Гилберт, подождешь секундушку, не обидишься?

Пожимаю плечами, дескать, «без проблем», а сам думаю

«все, капец».

Он снимает трубку:

– Слушаю, Бетти. В чем дело?

Я обвожу глазами кабинет, как будто этот разговор меня не касается.

– Ну-ну. Так-так. Успокойся. Да успокойся же! – Крутанувшись в кресле, он застывает спиной ко мне. – Нет. Да, у меня совещание. С Гилбертом Грейпом, да.

Мистер Карвер делает паузу и, не оборачиваясь, говорит:

– Гилберт, моя супруга интересуется, как ты себя чувствуешь.

– Я... мм... хорошо.

– Он хорошо себя чувствует. Угу. А Гилберт тут при чем? – Очередная пауза. – Милая, не надо больше истерик. Прошу тебя. Говори со мной.

Теперь голос мистера Карвера едва слышен. Загрибок наливается кровью.

– Естественно, я расстроен. Конечно, я огорчен.

Он весь взмок. Здоровенный детина, такому ничего не стоит мне руки повыдергать.

– Ну, я должен прежде всего думать о детях. Что мы скажем детям? Они – первопричина всего. Все мои мысли – о детях. Как раньше уже не будет. Успокойся, Бетти, не то я нагряну домой. Ну, так. Я еду. По телефону такие вопросы не решаются.

Повесил трубку и замер. Боже милостивый. Оттолкнув-

шись ногами от пола, мистер Кен Карвер возвращает кресло в прежнее положение. Смотрит на меня ослабившись, точно-точно как на фото.

– Срочное дело. Прошу меня извинить.

Быстро выходит из кабинета; я встаю и, как лунатик, устремляюсь за ним. Мелани что-то говорит, но я слышу только «перезаписаться». Распахиваю дверь; над головой дзинькает или тренькает колокольчик. Уличная жара бьет меня по щекам, словно хочет доказать, что все происходящее – вовсе не ночной кошмар.

– Гилберт, – окликает мистер Карвер, остановившийся возле своего «форда-фермонт», – не подбросишь ли меня до дома?

Останавливаюсь и прирастаю к месту, не придумав, что ответить. Сердце колотится как бешеное. На лице – чувствую – проступает пот.

– Я сейчас не в том состоянии, чтобы за руль садиться, – говорит он с улыбочкой, как будто мне отступить некуда.

– Но...

– Раз такая срочность...

Мы забираемся в пикап, и мистер Карвер шарит по сиденью в поисках ремня.

– Я их снял, – говорю. – Мешаются только.

Он читает мне краткую лекцию о нарушении правил личной безопасности:

– Если ты не вернешь их на место, нам придется поднять

ставку твоих страховых взносов.

– Понял, – отвечаю. – Верну на место.

Опустив окна, мчим по трассе. Мистер Карвер начинает что-то говорить. Вернее, кричать. Она ему все про нас выболтала. Ясное дело, он знает.

– Женщины, Гилберт. Моя супруга – женщина. – Делает паузу для эффекта. Хотя какого он ждет эффекта – трудно сказать. – И Бог свидетель, я ее люблю... Бог свидетель. У нас двое сыновей, но ты и без меня это знаешь. Тодд и Даг – оба сейчас в христианском лагере, скучают по родителям, по дому, вот и я подумал: когда мы за ними поедем, а это, как тебе известно, будет сегодня... надо захватить с собой какой-нибудь гостинец. Который без слов скажет, как мы их любим. И моя супруга... храни ее Господь... сегодня что-то приключилось с моей супругой... и знаешь, что именно?

– Мм...

– Нипочем не угадаешь.

Еще чуть-чуть – и я бы выпалил: «Напрасно вы так думаете», но сейчас не время умничать.

– Что же именно, – спрашиваю, – приключилось с вашей супругой?

– Понимаешь, решила она испечь для сыновей печенье. По мне, домашнее печенье – лучший гостинец. Многие ли матери радуют детишек домашним печеньем? В наши-то дни. Это в прежние времена хозяйки только и делали, что

вечно пекли. Я женат на исключительной женщине. Но изредка, Гилберт, изредка я жалею, что не подыскал себе какую-нибудь другую, потому что изредка... – Он набирает полную грудь воздуха и стискивает губы так, что они просто исчезают. А потом продолжает: – У моей жены...

Боже. Началось.

– У моей жены. Подгорел. Целый противень печенья. Само по себе это не трагедия. Хотя мальчики, конечно, будут расстроены. Но само по себе это не трагедия! А она теперь плачет так, будто вся ее жизнь летит под откос, – ревет над пригоревшим печеньем. Изредка... честное слово, очень редко у меня возникает желание сунуть ее головой в духовку и открыть газ.

Внезапно мистер Карвер бьет себя левой рукой по лбу:

– Господи. Даже не верю, что у меня такое вырвалось. А ты веришь? Насчет духовки – это я дал маху. Как только язык повернулся?

Сворачиваю на их подъездную дорожку. Через окно вижу миссис Бетти Карвер: сидит, пригорюнившись, за кухонным столом.

– Наверное, вы, мистер Карвер, хотели сказать, что изредка она действует вам на нервы.

– Да. Вот именно.

Уф... Дыши глубже, Гилберт, дыши свободно.

Мистер Карвер молча слизывает пот с верхней губы.

– Кстати, Гилберт...

– Да, сэр?

– Не забудь про батут. Четвертого числа. Мы будем очень рады, если ты заедешь опробовать наш батут.

Вылезает из моего пикапа. Его мешковатое, потное туловище движется к дому. Не оборачиваясь, он исчезает за дверью. Хорошо еще, что не стал благодарить меня за поездку.

На полпути к дому сворачиваю на обочину шоссе номер тринадцать. Припарковался, но двигатель глушить не стал. Отпускаю руль. Вытягиваю перед собой руки. Буду сидеть, покуда не уляжется дрожь.

Сегодня понедельник. Час еще ранний; Арни машет обеими руками – из города увозят карусельных лошадок. Мимо нас едут и другие аттракционы: мой братишка, сияя улыбкой, машет всем, а водители в ответ сигналижат, кто длинно, кто коротко. Когда уезжает вдаль «Серебряный твистер», я говорю:

– Все, Арни, больше тут ловить нечего.

Но он, щурясь от солнца, смотрит во все глаза. Каждый год вглядывается в даль, пока аттракцион не скроется из виду.

– В этом году луна-парк был из лучших, верно, дружок? А? Как по-твоему?

– Частями.

– И какие же части тебя не устроили?

– А-а-а. Знаешь, что меня не устроило, Гилберт... знаешь, что было плохо?

– Ума не приложу.

– Лошадки...

– Карусель?

– Ага, лошадки вредные были. Они меня заплевали.

– Не может быть.

– А вот и может.

– Где? Не вижу, где эти плевки?

– Высохли.

– Лошадки из стеклопластика сделаны, Арни.

– И что? Ух, вредины. Еще и кусались, ой!

Я умолкаю. Не тот у меня сейчас момент в жизни, чтобы вести такие дискуссии.

Мимо нас проезжает «додж-коронет» семьдесят третьего года с компанией молодняка в кузове. Арни машет, а я высматриваю ту черноволосую девушку из Мичигана. С тех пор как она зацепила меня тогда в «Сливочной мечте», высматриваю ее повсюду – охота узнать, как она выглядит при дневном свете. Наверняка есть у нее веснушки, или конопушки, или щербинка между передними зубами – какая-нибудь незабываемая особенная. Мелькнула тогда в луна-парке эта Бекки – и как сквозь землю провалилась.

Разворачиваюсь к дому. Арни плетется следом.

– Гилберт, я не вру.

– Что-что?

– Про лошадок. Зачем мне про них врать? Они – это...

– Что «это»?

– Лошадки. Они были фени... фены... фены-мены. Э-э-э.

– Надо говорить «фенбмены».

– Да знаю я, Гилберт. Ешки-ложки.

Арни хочет уцепиться своими короткими, толстыми пальцами за мою шлевку для ремня. Многократно тычет меня в бок. Обычно я не возражаю, но сегодня это напоминает обо всем, что меня достало, и я его одергиваю:

– Не смей!

Вытащив палец, он шарахается в сторону. Смотрит в землю. Мимо проезжает пикап с какими-то незнакомыми людьми. На сей раз Арни не машет.

– Грузовичок в точности как у меня. Гляди.

Арни по-прежнему смотрит в землю. Почему-то любой мой окрик для него – нож острый. Можно подумать, я за последние четыре дня ни разу не сводил его на аттракционы, не закармливал попкорном и всякими сладостями, не стоял столбом перед каруселью, пока он пятьдесят четыре раза кряду катался на лошадке, – как будто ничего этого не было в помине. Не помнит он хорошего, а жаль.

Выпятил нижнюю губу, задержал дыхание, бордовый, как свекла. Не иначе как через минуту мозги у него лопнут и он тут концы отдаст, а поскольку я грех на душу брать не хочу, приходится ласково звать его по имени – это у меня хорошо получается.

Мелкий не отвечает. Сморщился, побагровел еще сильнее, кулачки сжал, да так, что костяшки побелели. Мимо с ревом несется в сторону города красный грузовик, но никто ему не машет.

– Твой любимый цвет, – напоминаю ему.

У него аж конвульсии начались, вены на шее вздулись, кожа вокруг глаз морщинами пошла и стала как рельефная карта.

– Арни, угадай, кто ты есть. Угадай. – Пару секунд выжи-

даю. – Ты – феня. Фен. Э-э-э. Не могу выговорить. Ты – феня-меня. Или как правильно сказать? У меня, наверно, не получится, Арни. Но это ты и есть. Фе-ном. Ты – феном?

Ему вдруг становится интересно, кто же он такой; конвульсии прекращаются.

– Подскажешь мне, дружок?

– Конечно, Гилберт.

Я раз за разом повторяю «Фе-ном», а он знай фырчит «фффффф».

– Нет, не получится у меня, но я-то знаю: это ты и есть.

– Я тоже знаю, Гилберт.

Тут самое время предложить ему поторопиться домой, чтобы заручиться поддержкой Эми.

– Она же сегодня в школе, на работе, Гилберт.

– И то верно. А ведь если она этого слова не знает, то и спросить будет не у кого.

– Это точно, Гилберт. – Он берет меня за руку, и мы шагаем к дому.

В разговорах ему нравится повторять мое имя. У меня такое впечатление, что этим он себе доказывает, как много знает.

На Вайн-стрит оставляем позади методистскую церковь, которая спонсировала приезд луна-парка. Арни замедляет шаг. Предвижу, что сейчас он вырвется и побежит туда, где были аттракционы, а потому говорю:

– Вот оно. Есть, Арни.

- Что-что-что-что! – тараторит он.
- Ты, дружок, – феномен!
- Точно! – нараспев подтверждает он.
- Давай наперегонки до дома.

Не дав ему возможности рвануть на территорию церкви, пускаюсь бежать. Он следом.

Когда мы носимся наперегонки, у меня метода такая: вырваться вперед, а квартала через два-три слегка притормозить и дать ему со мной поравняться, чтобы у самого нашего дома позволить ему обойти меня на какие-то считанные дюймы. Но сегодня надо ему показать, кто тут главный.

Бегу быстро, даже для меня. Свернув на нашу подъездную дорожку, начинаю прыгать, как чемпион. Оглядываюсь – и что я вижу: Арни сошел с дистанции, развернулся и бредет к церкви.

С Арни всегда так: если даже кто его обогнал, тот все равно лузер.

- Я только в дом вошел, а Эми уже кричит из кухни:
- Где Арни?

Это, заметьте, единственный вариант, в таких случаях никогда не говорится: «Как дела, Гилберт? Отлично выглядишь, Гилберт. Причесался, да, Гилберт?» Меня всегда встречает один и тот же вопрос, причем на протяжении многих лет. Рассказываю, что мы чудно провели время и что для меня отъезд парка аттракционов – почти такая же радость,

как и прибытие.

– Арни, – добавляю, – сегодня выучил новое слово, но сердцем прикипел к церковной территории, туда и рванул, а я уже здесь и, хоть ты тресни, за ним не побегу.

Она протестует.

– Эми, кто четыре дня без продыху пас этого поскребыша?

– Никакой он не поскребыш! – Она глубоко вздыхает. – Но я понимаю, что ты хочешь сказать. И ценю. Ты здорово нас выручил. Эллен, – кричит она. – Эллен!

На верхней площадке появляется наша крошка и, глядя на Эми, изрекает:

– Имей в виду. Я смотрю бесподобный фильм, только не спрашивай, как называется, потому что я не знаю, но фильм черно-белый и очень хороший. Естественно, я выполню твое поручение. Но просто имей в виду: фильм бесподобный. Не забывай, на какие жертвы мне приходится идти.

– Ладно, забудь, – отвечает Эми. – Я сама.

Испепеляю Эллен взглядом. Но ей невдомек, поскольку она уже сто лет не смотрит в мою сторону.

– Я же не отказываюсь... что ты там собиралась мне поручить...

Жестом показываю, что готов свернуть ей шею. Ноль внимания.

– Просто учитывай мои страдания.

Знать, что другой человек – в особенности наша крошка

– страдает, для Эми невыносимо. Она идет на кухню и, переобувшись из шлепанцев в кроссовки, устремляется к дверям.

Половозрелая особь верещит:

– Да схожу я, схожу!

Эми останавливается и предостерегает:

– Мама спит. – (Тоже мне новость.) – Иди смотри свой фильм. Торопись, а то самое интересное пропустишь.

– Фильм, вообще говоря, не фонтан, хотя главная героиня похожа на меня, прямо копия. Если честно, моя жертва не так уж велика.

Она расплывается в улыбке, будто и не создала никакой проблемы, будто все тип-топ, будто Эллен Грейп – сама гуманность. Эми даже рта раскрыть не успела, а Эллен мигом сбежала по лестнице и пулей вылетела за дверь. Через минуту возвращается. Шествует мимо меня в кухню, где Эми сверяется с рецептом.

– Эми?

– Да?

– Мм...

– Ну говори, Эллен.

– Что ты хотела мне поручить?

Мама храпит в своем кресле, Эми убирает со стола после завтрака. Я щедро поливаю хлопья молоком и размешиваю наименее грязной ложкой из тех, что удалось откопать. Подношу эту ложку ко рту – и вижу, что к нам сворачивает грузовик Такера. Эми с облегчением поднимает глаза.

– Это пока только стройматериалы, – говорю я. – Еще не один день уйдет на сборку всей конструкции.

– Я понимаю.

– Вряд ли ты понимаешь. – Встаю из-за стола и шагаю по коридору.

Эми бежит за мной:

– Я понимаю, на это требуется время. Но дело хотя бы сдвинулось с мертвой точки. Мы хотя бы пытаемся скрасить маме жизнь.

Способны ли опорные балки и доски скрасить маме жизнь – это спорный вопрос. Возможно, установка этой конструкции продлит мамино существование. Но с каких пор «продлить» означает «скрасить»?

Со своим красным ящичком для инструментов Такер буквально на цыпочках крадется к дому. Я кричу через затянутую противомоскитной сеткой дверь:

– Такер, ты по-любому ее не потревожишь!

– Как знать, – шепчет он в ответ.

– Она не проснется! После завтрака ее не добудишься!

Проход через наш участок растягивается на целую вечность. Наконец и Такер, и его инструменты благополучно оказываются в доме.

Оценку состояния пола Такер произвел в минувшую среду. В четверг заказал необходимые материалы, которые мы выкупили в пятницу. В субботу были произведены тщательные замеры и – в мастерской Такерова отца – распиловка. Вчера Такер просверлил в досках отверстия, так что сегодня остается только стянуть всю конструкцию шурупами и болтами. Следовательно, в подвале не придется стучать молотком и вообще шуметь. А мама, следовательно, ни о чем не догадается.

Без промедления взявшись за работу, мы сделали три ходки в подвал; половина материалов уже сложена штабелями на полу. Мы стоим рядом, едва переводя дух и утирая пот. Такер окликает:

– Гилберт?

– Я тут.

Впервые за четыре дня он улыбается:

– Все будет в лучшем виде.

Сдается мне, он никогда еще не был настолько горд. У него даже вырабатывается новый имидж: имидж компетентного специалиста.

– Супер, – отвечаю.

В благословенном молчании он напряженно придумывает

очередную тему для разговора. Проверяет одну из досок:

– Деформированная.

– Без разницы.

– Для меня разница есть.

– Сюда никто не будет спускаться. Мы же не показухой занимаемся. Это сугубо функциональный проект.

– Я догадываюсь. Тебе не кажется, что я догадываюсь?

Тыльной стороной ладони чешу нос: от разговоров этого парня невыносимо свербит в ноздрях.

– У меня девиз: лучшим людям – все лучшее. Твоя мать – из числа лучших.

На языке вертится, что моя мать – моржиха. Но вместе этого говорю:

– Давай закругляться: мне к двенадцати на работу.

– Так-так. По больному бьешь?

– В каком смысле?

– Ну как же: у тебя есть работа – у меня нет.

– Еще не хватало. Не имею такой привычки. Просто говорю, что мне сегодня на работу. Поэтому давай поторапливаться.

– У меня в планах – получить *нормальную* работу.

– Я в курсе.

– Для «Бургер-барна» такой человек, как я, был бы находкой. Хорошо бы туда устроиться помощником управляющего. Должность, авторитет.

Говорю ему:

– Все, завязываем.

В подвале уже мигает свет: наверху Эми щелкает выключателем.

Такер начинает заедаться:

– Что там происходит? Наверху кому-то делать нечего?

В подвале мрак сменяется светом.

– Она проснулась.

– Кто?

– Моржиха.

– Гилберт.

– Перекур.

Ложусь, закрываю глаза.

– Надеюсь, мама не надумает смотреть в окно, иначе она увидит твой грузовик с оставшимися деревяшками.

Такер нервно расхаживает туда-сюда:

– Ты должен был ее предупредить... сказать честно...

– Нет.

– Но честность – лучшая...

– Извиняй, Такер.

– Но...

– Все идет своим чередом.

Сверху доносятся только звуки переключения каналов да приглушенный голос Эми.

– Ой, Гилберт, совсем из головы вон. У меня же новость есть, слышь? Даже собирался тебе звонить.

– Ну?

Опускается рядом со мной на колени:

– С утра заезжал на стройплощадку «Бургер-барна», представляешь?

– Только не говори, что там уже ведутся работы.

– Да! Но я-то еще кое-что увидел...

Говорю Такеру, что «Бургер-барн» меня ни с какой стороны не интересует.

– Мне там, – говорю, – кусок в горло не полезет.

– Да обожди ты, я ж не о том...

– Такер, от одной мысли об этой тошниловке мне помереть охота. Умолкни, пожалуйста!

Тут раздается треск со скрипом, который вроде как движется в нашу сторону. Такер мигом вскочил, задергался:

– Господи. Боже мой. Что там происходит?

Объясняю: это мама направляется в туалет.

– Не может быть. – Задирает голову, с трудом дышит.

Мы оба смотрим на потолок. С каждым маминым шагом в штукатурке появляются новые трещины. Как будто там чертят схему проезда.

– Караул. – Такер поднимает руки, защищая голову от сыплющейся побелки.

До туалета мама добирается не скоро. Скрип прекратился: надо понимать, она уселась. Эми включает в комнате Эллен проигрыватель, ставит альбом Элвиса «Aloha from Hawaii»; звучит его версия «Suspicious Minds»¹.

¹ «Подозрительные умы» (англ.); песня Марка Джеймса (1968), ставшая год

– Это, – говорю, – условный знак.

Мы бросаемся наверх за оставшимися стройматериалами.

За три ходки перетаскиваем их в подвал. Когда мы с Таке-ром вылетаем из дома, Эми вырубает Элвиса. Садимся каждый в свой грузовичок. Эми стоит на пороге, поднимая вверх большие пальцы, но вдруг резко разворачивается. Не иначе как мама спустила воду.

Мчимся по улице. Сворачиваем налево по Вайн, оставляем позади методистскую церковь. И что я вижу: Эллен тащит Арни за ноги. Пришлось сбросить скорость. Наш слабоумный лежит на земле и цепляется за пучки жухлой травы, чтобы не дать Эллен разогнаться. Она хватает его за волосы и со всей силы дергает. Я ударяю по тормозам, соскакиваю с подножки:

– Не смей! Не смей!

Она отпускает его волосню, отбрасывает с лица свою челку и лыбится – мол, что я такого сделала?

– Стерва мелкая, – кричу ей, перебегая через дорогу.

Арни свернулся клубком. Эллен – в слезы.

– А что прикажешь делать? Он домой не идет! Я все перепробовала. Конфеты! Уговоры! Ласки ниже пояса! Его домой калачом не заманишь, а у меня... это... у меня же...

– Что «у тебя же»?

– Сам знаешь... у меня дел полно.

– Ты опять его била...

– Кто-то выбросил попкорн, а он его подьедасть стал. Грязный, пыльный...

– Если еще хоть раз поднимешь на него руку, я...

Эллен запрокидывает голову, чтобы я уж точно заметил ее слезы.

Как брат и вообще как член семьи, я мирюсь со многим. С моими сестрицами, с матерью, с этим городком. Я выдержу что угодно. Но одного не потерплю ни за что. *Кто обидит Арни, тому пощады не будет.*

За этого мальчика я убить готов.

– На самом деле я его не била.

– Только попробуй драть его за волосы и вообще к нему прикасаться. Клянусь, я тебя выпорю.

– Ну и кто из нас злодей?

Наш даун по-пластунски ползет через луг. Подхожу, ложусь рядом с ним на землю и говорю:

– Мне пора на работу. Но кто-нибудь должен остаться дома, чтобы защищать маму и Эми. И даже Эллен. Ты готов стать их защитником? Охранником? Я на тебя рассчитываю, друг.

Он замер – шевелит мозгами, потом, не глядя на меня, кивает. Поднимается с земли, отдает мне честь и шагает к дому. Эллен молча плетется следом. Да возьми же ты его за руку, приобними, что ли, вертится у меня на языке. Руки так и чешутся запустить в нее камнем, но она оборачивается и

одними губами говорит:

– Спасибо.

Они идут домой, не касаясь друг дружки.

Возвращаюсь к своему пикапу и кричу Такеру, который наблюдал за этой сценой:

– И ты все равно хочешь встречаться с этой ведьмой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.